

[Polaris]

МУРАВЬИНОЕ ЦАРСТВО

Приключения в микромире
Том VII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СXXXII

Salamandra P.V.V.

МУРАВЬИНОЕ ЦАРСТВО

Приключения в микромире
Том VII

Salamandra P.V.V.

Муравьиное царство: Сборник ((Приключения в микромире, т. VII). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 128 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СXXXII).

Гигантские пауки и крошечные люди, кровопролитные битвы муравьев и отчаянные сражения микробов, путешествия внутри человеческого тела и невообразимые вселенные, заключенные в атомах – проникновение в микромир издавна было заветной мечтой фантастов.

Впрочем, в книге «Муравьиное царство» людей нет, ее герои – обыкновенные муравьи. В сборник вошло факсимильное переиздание повести Ф. Скворцова «Удивительные приключения муравья», впервые увидевшей свет в 1894 году; включена также «Сказка о Муравье-Богатыре» В. Авенариуса (1883).

«Муравьиное царство» продолжает в серии «Polaris» публикацию забытых и редких произведений, объединенных общей темой «приключений в микромире».

Ф. Скворцов
УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
МУРАВЬЯ

УДИВИТЕЛЬНЫЯ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МУРАВЬЯ.

Ө. Скворцова.

Третье, дополненное изданіе

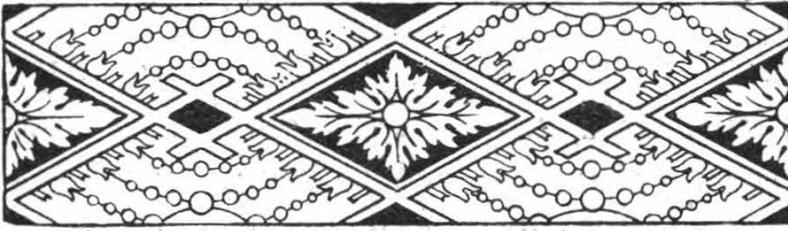
СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. Ф. ДЕВРІЕНА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24-го іюня 1905 г.

Художественная Типо-Литографія А. К. Вейерманъ, Мѣщанская, 2.

I.

Первые дни.

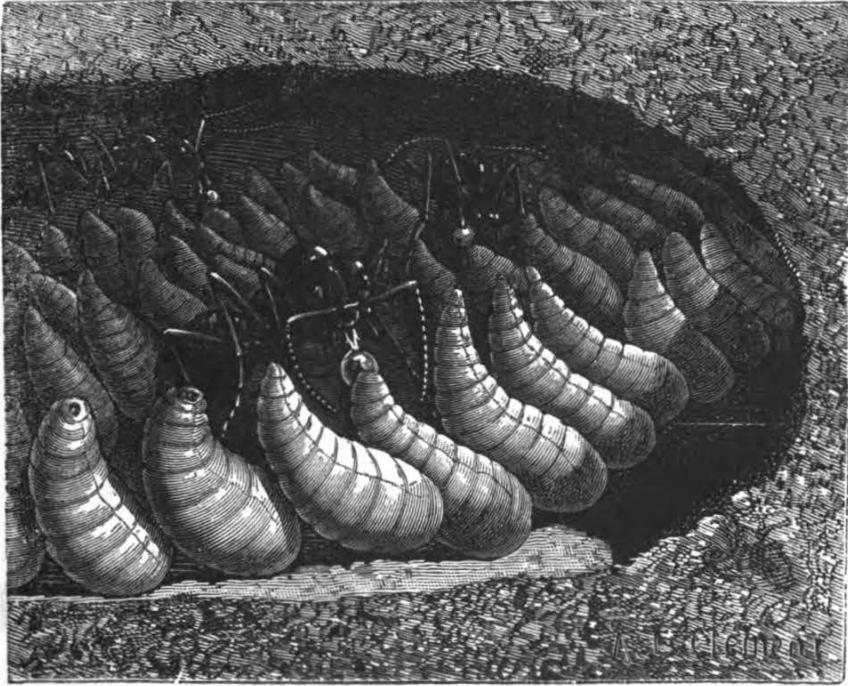
Мое младенчество.—Я личинка.—Мой домик—коконъ.—
Освобожденіе.

Я помню себя очень рано. Я былъ совсѣмъ маленькимъ беззащитнымъ существомъ. У меня не было ни ногъ, ни моихъ острыхъ челюстей, ни глазъ, ни усиковъ. Былъ ротъ и туловище, и то самое прозрачное. Я умѣлъ только ѣсть. Насъ было много. Кормилицы добывали пищу и кормили насъ, оберегали, чистили, растирали нашу кожу, выносили насъ на верхъ погрѣться на солнышкѣ. Бывало, какъ только солнце подыметъ высоко на небѣ, верхнія работницы извѣстятъ нашихъ кормилицъ, что тепло

и можно выносить насъ на верхъ муравейника. И вотъ, насъ всѣхъ, бывало, потащутъ чрезъ всѣ этажи, чрезъ всѣ улицы на самую верхушку города. Это былъ для насъ большой праздникъ! Лежишь себѣ, а солнце такъ и грѣетъ тебя, чувствуешь какъ съ каждымъ днемъ становишься крѣпче. Няньки кругомъ ходятъ, стерегутъ и, какъ только кто-нибудь изъ насъ упадетъ, тотчасъ уносятъ домой. Не долго, однако, давали намъ нѣжиться на солнышкѣ: всѣ были заняты дѣлами, да и боялись, чтобы какой-нибудь разбойникъ не утащилъ дѣтей. И насъ опять тою же дорогой возвращали домой, но уже въ другія комнаты, гдѣ было прохладнѣе. Такъ росли мы...

Но вотъ я почувствовалъ, что скоро вырастутъ у меня всѣ органы, и я началъ строить себѣ домикъ, чтобы никто не видѣлъ моего чудеснаго превращенія. Мнѣ объ этомъ никто не говорилъ, я самъ какъ-то догадался. Я построилъ себѣ домикъ изъ плотной ткани сѣраго вещества, и совершенно закупорился въ

него: онъ былъ безъ окошекъ, безъ дверей *). Понятно, въ это время я ничего не ѣлъ, и отъ всего свѣта былъ отдѣ-

Кормилицы добывали пищу и кормили насъ.

лень скорлупою. Я сидѣлъ въ своемъ домѣ, какъ цыпленокъ въ яйцѣ.

Такъ прошло дней двадцать, и я сталъ чувствовать, что скоро начну жить самостоятельно. Вокругъ меня было те-

*) Мы невѣрно называемъ эти коконы муравьиными яйцами.

мно и страшно душно. Я напрягалъ всѣ свои силы, чтобы разорвать темницу, но былъ еще слишкомъ слабъ. Стѣнки кокона нисколько не поддавались. Я задыхался!

Собравшись, наконецъ, съ послѣдними силами, я рванулся, вытянулъ ноги и услышалъ первые звуки. Кто-то снаружи разорвалъ мой домикъ. Я сдѣлалъ еще усилюе, стѣнки не выдержали, лопнули, и я увидѣлъ свою няню.

— Постой, постой, малютка, не торопись, а то ножку повредишь себѣ. Дай я тебѣ еще расправлю пеленочки!..

Такъ она называла тѣ лоскутки, въ которыхъ я былъ еще завернутъ.

— Ну, вотъ, теперь выльзай. Давай я тебѣ помогу.

Я еще сдѣлалъ усилюе и самъ выскочилъ изъ пеленокъ. Няня стала гладить мое нѣжное тѣльце, очищать меня и расправлять мои слабыя ноги.

У меня уже выросли всѣ мои органы. Усики замѣняли мнѣ языкъ, и я могъ раз-

говаривать съ моими братьями. Щупальцами я могъ узнавать предметы и часто они замѣняли мнѣ носъ. Но самое главное, у меня выросли челюсти. Ими я могъ кусать, пилить, рѣзать носить, копать, полировать; они замѣняли мнѣ руки: ими я могъ работать. Я имѣлъ также слухъ, зрѣніе, хотя послѣднее очень плохое.

И вотъ я сдѣлался совсѣмъ большимъ муравьемъ, но былъ еще такъ слабъ, что не могъ двигаться: лежалъ и глядѣлъ...

На большой площади лежало множество муравьевъ, между ними бѣгали и суетились няньки. И было о чемъ позаботиться: тому нужно было разорвать коконъ, другому помочь выйти изъ пеленокъ, третьему пригладить и расправить члены, и нигдѣ не опоздать, чтобы не погибъ муравей.

Около меня лежалъ большой коконъ: одна изъ нянекъ съ ловкостью разорвала его и воскликнула:

— Вотъ такъ муравей. Его и не

подымешь, чистый Геркулесъ! Ну, — выльзай на удивленіе всему свѣту!

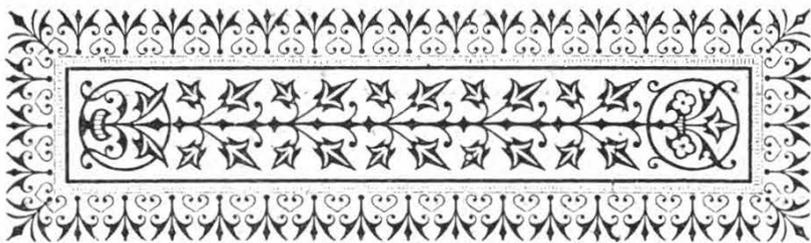
Коконъ затрещалъ, и муравей выльзъ. Онъ былъ почти вдвое больше меня.

Прошло много времени, а мы все лежали подъ присмотромъ своихъ нянекъ. Мнѣ однако-же, наконецъ, надоѣло лежать, и я, хотя не могъ еще стоять на ногахъ, ползъ, самъ не зная куда. Няня моя, замѣтивъ мое движеніе, схватила меня челюстями и потащила назадъ, но я не унимался и вновь ползъ. Строгая няня не спускала съ меня глазъ и, какъ я ни барахтался и не упрямился, уложила меня на мѣсто, хотя я и былъ больше ея самой.

— Постой, постой, Пострѣленокъ, куда бѣжишь? Еще встать на ноги не можешь, а гулять хочешь? Дай всему тѣлу обсохнуть, окрѣпнуть, тогда я сама поведу тебя по всему городу, а пока лежи смирно. Вонъ твой сосѣдъ „Красный-Усь“ какъ хорошо себя ведетъ: лежитъ и не балуется, настоящій философъ!

И она подошла къ нему и дала молочка. Я понялъ тогда, что няню надо слушаться, присмирѣлъ и понемногу старался расправлять свои члены. Няня подошла ко мнѣ, напоила зеленымъ молочкомъ, и я сладко заснулъ.

II.

Нашъ городъ и его жители.

Работы по городу. — Мусорщики. — Душистая тля. — Въ гостяхъ у матери. — Наши игры.

Прошло нѣсколько дней. Я достаточно окрѣпъ, и при видѣ, какъ мои братья съ утра до поздней ночи проводятъ за работой, мнѣ самому захотѣлось приняться за какое-нибудь дѣло. Я былъ голоденъ и чтобы не беспокоить няньки, отправился самъ поискать чегонибудь поѣсть. Усердная нянька, замѣтивъ мое желаніе, дала мнѣ изъ своего рта липкаго, сладкаго соку. Я съ удовольствіемъ пилъ его и въ тоже время чувствовалъ, какъ съ каждой каплей становлюсь сильнѣе.

— Ну, будетъ, напился. Дай я тебѣ расправлю ножки, потру спинку...— Теперь ступай гулять, но дальше дѣтской не смѣй уходить.

Вытягивая то ту, то другую ногу, я почувствовалъ, что теперь въ силахъ самъ ходить, и пошелъ бродить по дѣтской. Это была громадная площадь, гдѣ мы всѣ, новорожденные, были собраны и въ полномъ порядкѣ лежали. Кормилицы были ужасно заняты кормленіемъ. Они суетились и бѣгали отъ одного къ другому. Я воспользовался этимъ и незамѣтно улизнулъ въ другую улицу и сталъ бродить по своему родному городу.

То, что я увидѣлъ, меня ужасно поразило. Я никакъ не ожидалъ, что у насъ такой громадный городъ!

Нашъ городъ былъ построенъ изъ большихъ и малыхъ бревенъ, изъ листиковъ и сосновыхъ иглъ, со множествомъ улицъ. Онъ раздѣлялся на верхній, средній и нижній и продолжался даже подъ землею.

Я переходилъ изъ улицы въ улицу, видѣлъ какъ на большихъ площадяхъ лежали личинки, то куколки, то яйца, то зимніе запасы. Въ громадномъ городѣ было большое движеніе. Тысячи кормилицъ бѣгали за пищей для новорож-

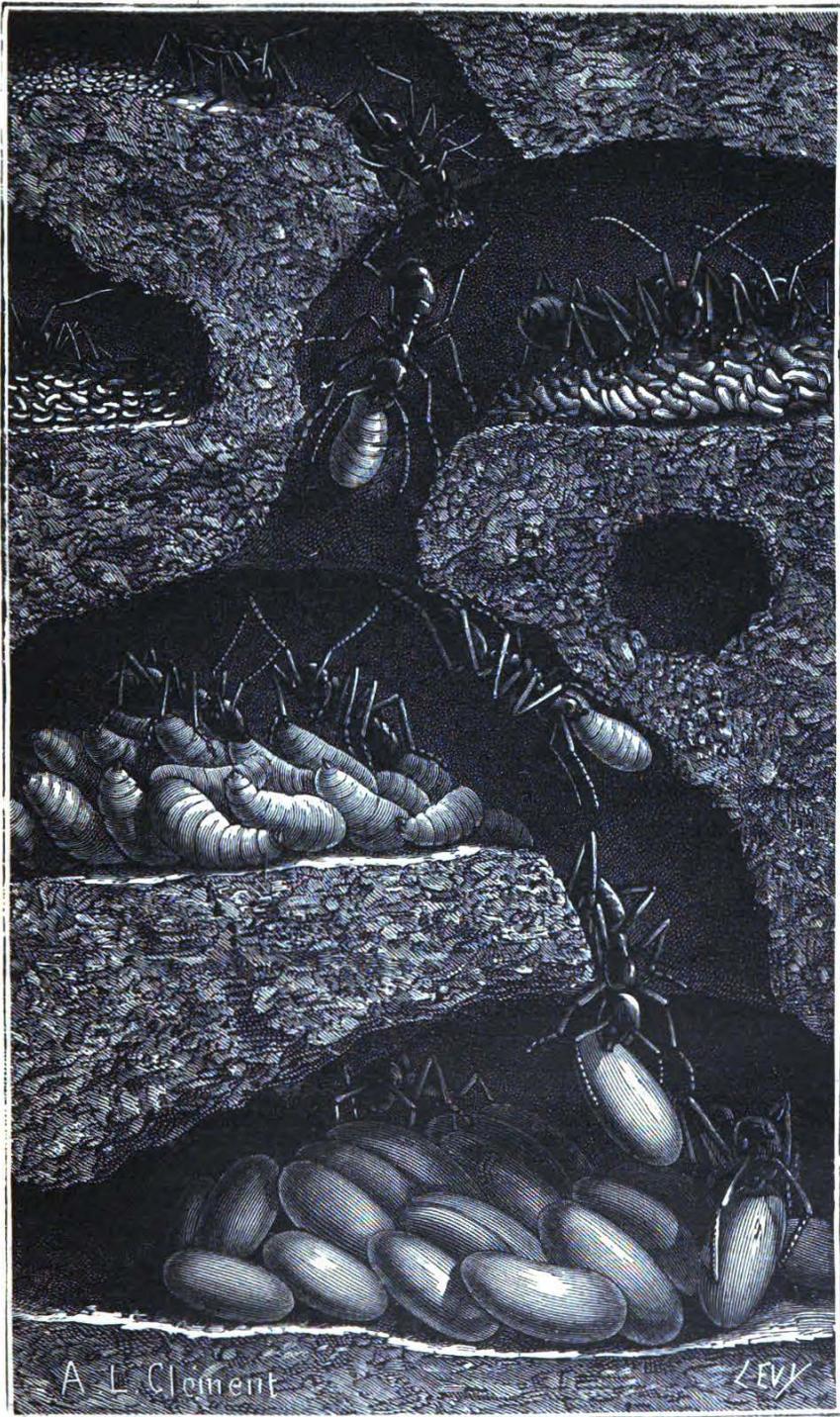
денныхъ, тысячи нянекъ переносили личинки съ мѣста на мѣсто, сортируя ихъ по возрастамъ, какъ въ училищѣ: всѣ были размѣщены по классамъ. Тысячи работницъ были заняты приготовленіемъ запасовъ на зиму. Я на все глядѣлъ съ любопытствомъ: вотъ одна няня тащитъ громадный коконъ. Я ее встрѣтилъ въ проходѣ; не замѣтивъ меня, она такъхватила меня туловищемъ, что я полетѣлъ внизъ.

— Ишь шляется безъ дѣла! Чуть изъ-за тебя ребенка не убила, и что васъ пускаютъ безъ пути! Сидѣли бы ужъ въ своей комнатѣ, когда еще не можете работать.

Я подбѣжалъ къ ней и хотѣлъ помочь ей взять коконъ.

— Что ты? что ты? ушибешь ребенка. Ступай къ себѣ, гдѣ тебѣ: твое тѣльце такое еще мягкое. Окрѣпни сперва самъ, тогда и принимайся за работу... Вонъ идетъ кормилица, ступай къ ней: она тебя накормитъ и снесетъ въ дѣтскую.

Я бросился навстрѣчу кормилицѣ, такъ какъ ужасно проголодался, и усиками попросилъ у нея медку.

Тысячи нянекъ переносили личинки съ мѣста на мѣсто.

— Не для тебя несусь, Пострѣленокъ, ну, да на, полакомись, да живо ступай домой, неравно ушибешься и изуродуешь себя на всю жизнь.

— Я, няня, только спущусь въ нижній городъ, посмотрю на нашихъ родителей.

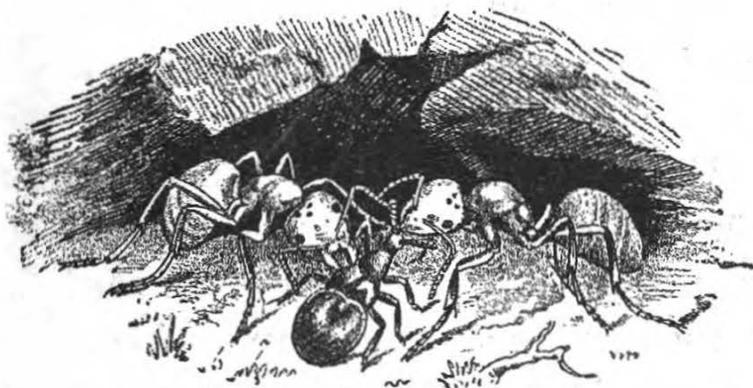
И быстро, чтобы кормилица не схватила меня и не унесла въ дѣтскую, я побѣжалъ...

Тутъ мнѣ безпрестанно стали попадаться какія-то особенныя существа. Я хотѣлъ, было, сперва на нихъ наброситься, предполагая, что это наши враги, но замѣтивъ, что никто изъ старшихъ не обращаетъ на нихъ вниманія, оставилъ ихъ въ покоѣ. Потомъ я узналъ, что это мусорщики, которые очищаютъ нашъ городъ. Они исполняли за насъ грязную работу и держали весь городъ въ чистотѣ.

Въ нѣкоторыхъ улицахъ былъ особенно пріятный запахъ. Я вдыхалъ его съ удовольствіемъ; нагнувшись, я увидѣлъ, что это пахли маленькія тли. Эти насѣкомыя питались разными нашими

остатками. Разъ попавъ въ нашъ городъ, они поселились навсегда; имъ понравилась жизнь у насъ. Мы ихъ не трогали, позволяли жить и намъ нравился аромать, который они распространяли.

Я спустился въ нижній городъ. Пройдя одну изъ улицъ, я хотѣлъ повернуть на площадь, какъ вдругъ передо

Жукъ приблизился къ ней и попросилъ поѣсть.

мной появился жукъ. Да, это былъ настоящей жукъ! Я испугался, думая, что погибъ. Тѣло мое было еще очень нѣжно, а жукъ силенъ. Сердце у меня замерло, я ждалъ нападенія, но видя, что жукъ идетъ мимо, я притаился за колонной и далъ ему дорогу.

Не успѣлъ я спрятаться, какъ мимо меня пробѣжала моя няня. Она давно меня

искала. Жукъ приблизился къ ней и попросилъ поѣсть. Къ моему удивленію, няня покормила его. Я не выдержалъ, выбѣжалъ изъ засады, чтобы тоже полакомиться, какъ вдругъ нянька схватила меня и потащила на верхъ *). Я сталъ всѣми силами барахтаться, вырвался изъ челюстей и бросился внизъ.

— Ну, ужъ и силенъ же Пострѣленокъ! Ну, да ладно, не долго погуляешь, попадешься къ теткѣ.

Наконецъ, я увидѣлъ своихъ родителей: сперва я ихъ не узналъ! Удивительно, у моего отца были крылья. Мнѣ было ужасно завидно, отчего ихъ нѣтъ у меня! Мнѣ хотѣлось бы тоже полетать по воздуху. За то у него не было такихъ острыхъ, какъ у меня, челюстей, и онъ, бѣдный, не могъ работать.

Наконецъ, я вступилъ въ священное жилище нашихъ матерей. Это было уже почти подъ землею. Большая площадь

*) Жуки эти называются *желтые безглазики* или *булавчики*. Они слѣпы. Волоски этихъ жучковъ покрываются липкимъ сладкимъ сокомъ, выдѣляемымъ железами. Муравьи слизываютъ этотъ сокъ и находятъ выгоднымъ кормить и ухаживать за булавчиками.

кишѣла народомъ: всѣ были страшно заняты и озабочены. Матери-царицы въ разныхъ мѣстахъ несли яйца. Около нихъ стояла стража. Дальше меня не пустили. Каждая матка несла по тысячѣ яицъ въ часъ. Няньки ходили сзади, обирали яйца и складывали ихъ въ кучки.

Безъ няньки я не могъ узнать своей мамы: никогда я ее не видалъ, да и нянька едва-ли могла узнать при такомъ множествѣ яицъ. Вдругъ одна изъ матерей увидала меня и быстро замахала усиками и своими большими крыльями.

— Это что такое? Какъ попалъ сюда новорожденный Пострѣленокъ? Няньки, такъ вы смотрите за дѣтьми? У васъ дѣти безъ всякаго надзора шатаются по городу! Долго-ли до бѣды? Что за безпорядокъ? Сейчасъ возьмите Пострѣленка и отведите въ дѣтскую. Да внушите старушкѣ-нянѣ, чтобы она строго слѣдила за малютками!

— Вы, мамаша, понапрасну беспокоитесь, волнуетесь. Это вамъ очень вредно. Я пойду и самъ, я уже не маленькій, завтра выйду на работу.

— Пошелъ домой, вотъ тоже работникъ!

— До свиданья, дорогая мамаша, желаю вамъ какъ можно больше наносить яичекъ, — и я, какъ ловкій кавалеръ, шаркался ножками и отправился восвояси.

Я быстро шелъ наверхъ. Голодъ начиналъ меня мучить. Я ужъ подходилъ къ дѣтской, какъ вдругъ повстрѣчалъ своего товарища Геркулеса.

Онъ, крадучись, пробирался наверхъ.

— Геркулесь, ты куда?

— А, Пострѣленокъ, ты гдѣ былъ? Тебя няньки вездѣ ищутъ!

— Ахъ, я братъ, весь ужъ городъ исходилъ. У мамы былъ, яйца помогаль таскать.

— Ай, да молодець! А я такъ пробираюсь наверхъ, на солнышкѣ посидѣть, чистымъ воздухомъ подышать.

— Вотъ хорошо придумалъ; побѣжимъ вмѣстѣ.

И мы вдвоемъ бросились по главной улицѣ, которая вела прямо наверхъ.

— А если ворота закрыты?

— Нѣтъ, сейчасъ понесли наверхъ личинки; ворота должны быть открыты.

Мы, запыхавшись, добрались до воротъ. Ворота были открыты, и мы влѣзли на верхушку города.

Солнце сіяло. Было тепло и тихо. Пахло смолой. Мы растянулись и стали

Мы такъ развозились, что забыли обо всемъ.

любоваться природой. Тутъ были и наши товарищи-однолѣтки, и между нами поднялась возня. Кто бѣгалъ другъ за другомъ, кто игралъ въ прятки, кто ловко садился на заднія лапки. Мы съ Герку-

лесомъ схватились бороться; онъ повалилъ меня. Мы такъ развозились, что забыли обо всемъ и чуть-чуть не раздавили личинки, которая лежала рядомъ.

— Нашли мѣсто возиться! Прочь пошли отсюда! набросилась на насъ нянька.

— Ага, попался, Пострѣленокъ! Вотъ ужь куда тебя занесло: снизу, да на самый верхъ; этакъ, пожалуй, и въ лѣсъ улизнешь? Раненько, братъ, безъ присмотра разгуливаешь, этакъ не долго и до бѣды“. И нянька ловко схватила меня челюстями и потащила домой.

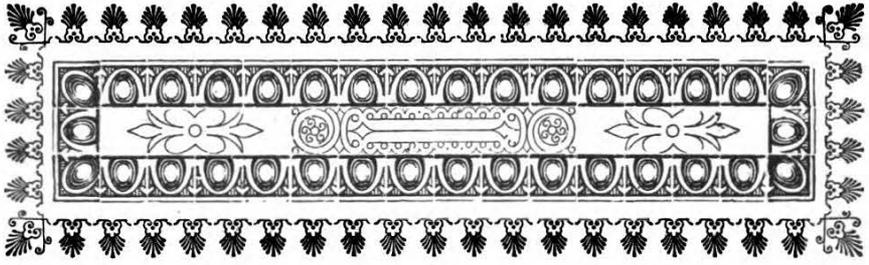
— Нянечка, голубушка, дай погулять и повозиться намъ на солнышкѣ.

— Нѣтъ, братъ, шалишь! За тебя и то намъ всѣмъ попало отъ матушки. Кормилица твоя скучаетъ по тебѣ, всюду ищетъ тебя, а ты на вотъ гдѣ? Погулялъ, пора и честь знать. Ага! и Геркулесъ попался; вонъ, полюбуйся, какъ двѣ няньки тащутъ домой твоего пріятеля Геркулеса!

Какъ мы ни барахтались, ни упира-

лись, зацѣпляли ногами за бревна, но опытная няньки дотащили насъ благополучно до дѣтской и сдали въ руки кормилицамъ. Добрыя кормилицы пожурили насъ за бѣгство, покормили и уложили спать.

III.

Въ лѣсу на охотѣ.

Наши коровы.—Забравшійся воръ.—На охотѣ.—Мой бой съ кузнечикомъ.—Въ берлогѣ у льва.—Гибель товарища.— Возвращеніе домой.

Прошло нѣсколько дней, тѣло мое совершенно окрѣпло, и я могъ начать работать. Сперва я занимался внутри города, помогалъ нянькамъ. Мы размѣщали куколки, кормили личинокъ. Уставши и проголодавшись, я хотѣлъ-было по привычкѣ попросить у кормилицъ ѣсть, но няньки сказали:—„Ну, теперь шабашъ, обѣдать! Пойдемте наверхъ!“

И мы всѣ бросились наверхъ, вышли изъ муравейника и полѣзли на дерево, стоящее близъ муравейника. Тамъ я увидѣлъ большое стадо зеленыхъ тлей. Я уже хотѣлъ начать ѣсть ихъ, какъ меня остановила няня:

— „Что ты никакъ хочешь нашихъ коровушекъ живьемъ ѣсть? Ахъ, ты чудака! Смотри, что я буду дѣлать, то и ты дѣлай“. Я увидѣлъ, что няня стала доить ихъ. Я подбѣжалъ къ зеленой коровкѣ, дотронулся до нея усиками, и она изъ двухъ рожковъ выпустила липкій сокъ, который показался мнѣ очень вкуснымъ; я подбѣжалъ къ другой коровкѣ, и она угостила меня своимъ вкуснымъ молочкомъ. Теперь я понялъ, что у насъ было свое стадо коровъ. Мы берегли ихъ отъ всѣхъ враговъ. Онѣ были нашею собственностью. Яйца ихъ мы уносили къ себѣ въ городъ и берегли болѣе 6 мѣсяцевъ. Ходили за ними, какъ за своими муравьиными яйцами. Изъ этихъ яичекъ выходили тли, наши телята, которыхъ мы держали въ особомъ помѣщеніи.

Телятъ своихъ мы никогда не ѣли, а ждали, когда они вырастутъ, сдѣлаются коровами и станутъ доиться. Изъ хлѣва мы переносили ихъ на растенія, гдѣ они гуляли и кормились.

Наши зеленыя коровки хорошо зна-

ли, что мы ихъ не обидимъ, и никогда насъ не боялись. Мы защищали ихъ отъ враговъ. У насъ были разныя коровы и

Ходили за ними, какъ за своими муравьиными яйцами.

молоко различнаго вкуса: кто какое любилъ, тотъ то и пилъ.

Напившись молочка, мы принялись опять за работу...

Во время работы къ намъ вошелъ незамѣтно въ городъ какой-то муравей. Къ нему сейчасъ подошла стража, стала

обнюхивать и съ ужасомъ увидѣла, что онъ чужой, изъ другого города. Весь городъ всполошился, я прибѣжалъ тоже посмотрѣть. Это былъ большой муравей съ страшными челюстями во рту. Мы, Геркулесь, Красный-Усь и я, бросились на него.

— Смерть вору! Онъ пришелъ воровать нашихъ куколокъ! кричалъ Красный-Усь.

— А можетъ быть, онъ просто пришелъ къ намъ въ гости! сказалъ я.

— Смотрите, какой онъ страшный! Это разбойникъ. Смерть ему! кричалъ Геркулесь.

— Что, братцы, мы будемъ его убивать въ своемъ городѣ. Онъ одинъ, а насъ тысячи. Это нехорошо. Выбросимъ его лучше изъ города.

— Вы, должно быть, не туда попали, милостивый государь, позвольте васъ съ честью выпроводить! Мы схватили его челюстями и выбросили вонъ за ворота.

Онъ зналъ, что одному не справиться съ нами, и, пока мы тащили, притворился мертвымъ, но какъ только почув-

ствовалъ себя свободнымъ, то бросился бѣжать безъ оглядки.

Прошло послѣ этого происшествія нѣсколько дней, я совершенно окрѣпъ и, чувствуя себя сильнымъ, сталъ звать товарищей на охоту.

Мы вышли втроемъ: Геркулесъ, Красный-Усь и я. Когда въ первый разъ мы спустились на землю и оглянулись на нашъ городъ, мы были поражены его могуществомъ. Передъ нами была громадная гора *). На громадномъ разстояніи по землѣ ползали наши собратья и уничтожали все на пути.

Насъ было въ городѣ болѣе полумилліона. А сколько такихъ городовъ было раскинуто по лѣсу! Мы уничтожали до 1,000,000 насѣкомыхъ и кромѣ того имѣли свой скоть для пропитанія.

Кругомъ кипѣла работа: кто тащилъ бревно, кто несъ добычу, кто поправлялъ городъ. Отрадно было глядѣть на такой трудолюбивый народъ!

*) Если взять въ расчетъ ростъ муравья и человѣка, то чтобы построить такое зданіе, какъ муравейникъ, люди должны были бы строить дома не менѣ египетскихъ пирамидъ.

Наша сегодняшняя обязанность была—достать пищу для кормилицъ.

Мы рѣшились итти вмѣстѣ; намъ встрѣчались безпрестанно наши земляки, и нѣскольکو охотниковъ присоединились къ намъ. Мы пошли по лѣсной дорожкѣ, гдѣ больше всего попадалось насѣкомыхъ, какъ говорили старые охотники. Такъ шли мы разговаривая, какъ вдругъ въ средину насъ влетѣлъ крылатый драконъ *), и не успѣли мы опомниться, какъ онъ убилъ и проглотилъ нѣсколькихъ изъ насъ.

— Бросайся за бревно! крикнулъ Красный-Усь.

Мы успѣли спрятаться и избѣгли страшной гибели. Громадный драконъ замахалъ крыльями и улетѣлъ, унося въ клювъ одного изъ нашихъ товарищей.

Грустные, мы продолжали свой путь.

Скоро я увидѣлъ, какъ по дорогѣ, около травы, прыгалъ кузнечикъ. Вотъ бы поймать, славное жаркое было бы кормилицамъ. Кузнечикъ былъ втрое больше меня; я притаился и выжидалъ...

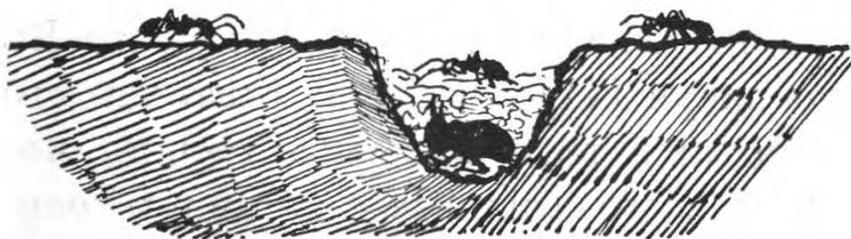
*) Должно быть, это была какая нибудь птица.

Вдругъ онъ прыгнуль и очутился около меня. Я затаилъ дыханіе, оглянулся, а товарищей нѣтъ... Ахъ, думаю, вотъ бѣда, куда они дѣлись? Упустить такую добычу!

Ждать было некогда; надо было рѣшиться, и я быстро бросился на него. Началась битва. Кузнечикъ прыгалъ, я леталъ вмѣстѣ съ нимъ по воздуху, но ловко вцѣпился ему въ спину и крѣпко держался. Наконецъ онъ сталъ ослабѣвать, и я покончилъ съ нимъ клещами. Я едва могъ сдвинуть его съ мѣста.

Долго я возился съ нимъ, но убѣдясь, наконецъ, что самому мнѣ не стачить, побѣждалъ искать товарищей. Я скоро нашелъ ихъ, и втроемъ мы поволокли добычу домой. Было ужасно тяжело нести, попадались на пути бревна, но мы преодолѣли всѣ препятствія и вышли на песчаное мѣсто. Все шло хорошо. На подмогу къ намъ присоединялись наши земляки, мы уже радовались, что возвратимся домой съ большой добычей, какъ вдругъ съ нами случилась бѣда; мы всѣ полетѣли въ яму,

на днѣ которой сидѣло страшилище съ громадными клещами. Все туловище его было зарыто въ песокъ. Онъ, видимо, выжидаль, кто изъ насъ оплошаетъ и попадетъ къ нему. Это былъ страшный

Это былъ страшный кровопійца.

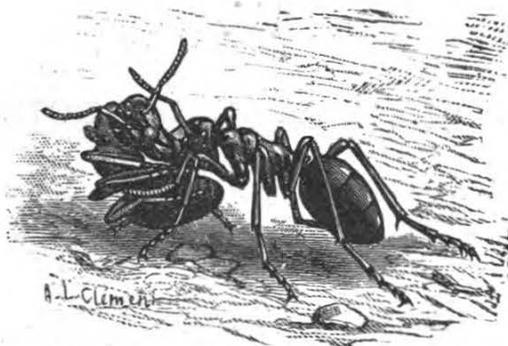
кровопійца *). Насъ совсѣмъ засыпало пескомъ. Когда мы опомнились, то ужъ бѣдный товарищъ попался прямо ему въ челюсти, и онъ сталъ высасывать изъ него сокъ.

*) Должно быть, здѣсь муравей рассказываетъ о личинкѣ *муравьиного льва*, чрезвычайно интереснаго насѣкомаго. Его толстое, короткое и мягкое тѣло держится на двухъ заднихъ ногахъ, четыре переднія бездѣйствуютъ. Онъ не можетъ бѣгать и долженъ былъ бы умереть съ голоду, если бы не научился строить въ пескѣ западню. Согнувъ брюшко и ползая задомъ кругомъ, онъ роетъ ямку, причемъ головкою выбрасываетъ песокъ; если ему попадетъ камышекъ, то онъ ловко кладетъ его на голову и выбрасываетъ. Окончивъ работу, онъ зарывается въ песокъ и ждетъ добычу.

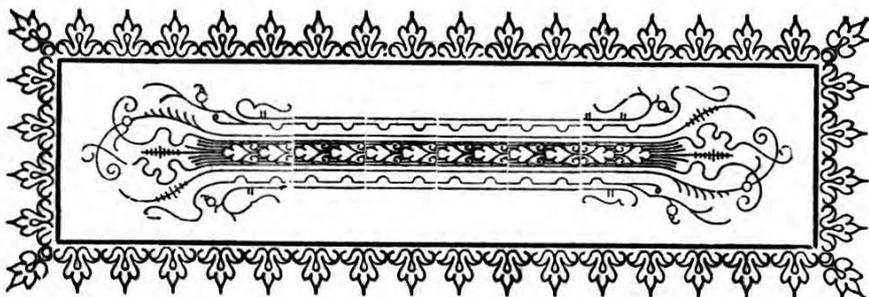
— Ребята, не выдавай товарища! крикнулъ Красный-Усь, и мы втроемъ бросились на врага. Онъ не ожидалъ нападенія, бросилъ свою жертву и сталъ ловить насъ. Челюсти его щелкали. Онъ былъ страшенъ. Несчастный Красный-Усь подвернулся, и онъ схватилъ его. Въ это время Геркулесъ и я схватили его клещами и такъ принялись грызть, что онъ недолго защищался ногами и околѣлъ. Мы были спасены, но бѣдный Красный-Усь лежалъ полумертвый. Онъ былъ ужасно раненъ. Я бросился къ нему и сталъ залечивать рану. Ничто не помогало; тогда мы рѣшились съ Геркулесомъ нести его домой. Трудно было намъ подняться изъ ямы. Песокъ изъ-подъ ногъ падалъ въ нее. Кое-какъ удалось намъ, наконецъ, выкарабкаться. Мы рѣшились всю добычу оставить на мѣстѣ, чтобы потомъ съ помощью товарищей принести домой. Бѣдный Красный-Усь ужасно страдалъ, хотя мы старались бережно его нести, но вдвоемъ было ужасно неудобно, что усиливало его мученія. Замѣтивъ это, Геркулесъ

рѣшился взять Краснаго-Уса въ челюсти и, какъ богатырь, понесъ несчастнаго, а я побѣжалъ впередъ домой звать на помощь.

Такъ печально кончилась наша первая охота.

Геркулесъ рѣшился взять Краснаго-Уса въ челюсти.

IV.

Городъ въ опасности.

Веселый отдыхъ.—Первое извѣстiе о неприятелѣ.—Ужась муравейника.—Поступокъ Краснаго-Уса.—Битва.—Побѣда.

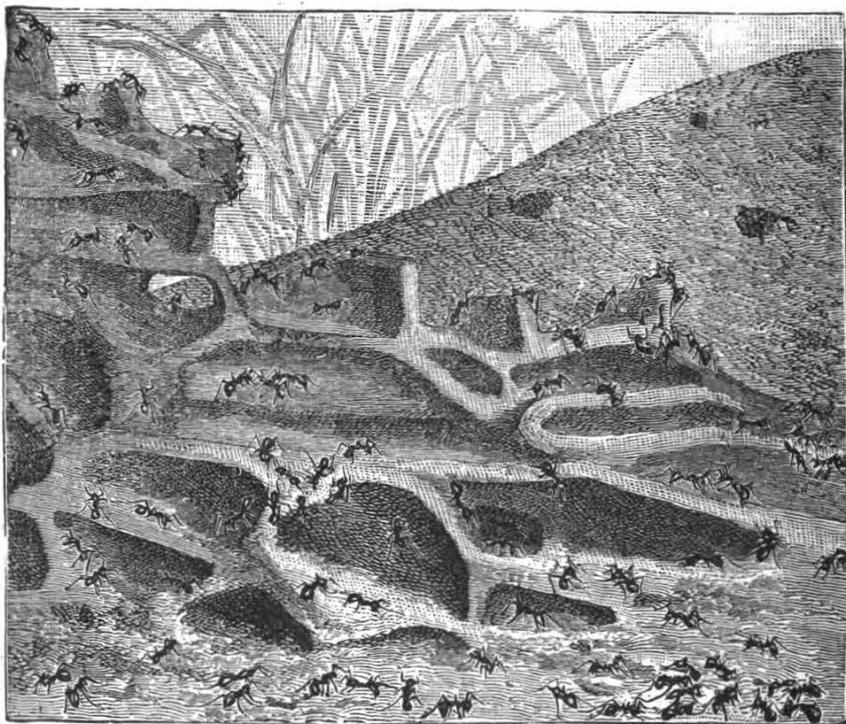
Было ясное и теплое утро. Мы всѣ ужасно утомились работою. Нѣкоторые изъ насъ такъ увлеклись, что ничего не ѣли. Чтобы поддержать ихъ силы, къ нимъ подбѣгали няньки и кормили ихъ. Въ эти дни много нами было сдѣлано. Мы изъ лѣсу принесли громадныя бревна, еловыя иглы, листья и все это подняли на верхъ города и уложили по мѣстамъ. Еще прибавилось нѣсколько улицъ и площадей, и нашъ городъ значительно увеличился. Къ коровнику мы сдѣлали новую дорогу. Много тысячъ муравьевъ собралось на верхъ города... Было большое движенiе. Мы радовались

и отдыхали на солнышкѣ. Няни принесли дѣтей и яйца и положили около насъ. Даже матки грѣлись на солнышкѣ. Работники бережно вынесли ихъ наверхъ. Послѣ страшныхъ трудовъ было такъ весело и легко на сердцѣ. Одного Краснаго-Уса не доставало: онъ все еще, бѣдный, былъ больной. Ему тоже, вѣроятно, хотѣлось погрѣться на солнышкѣ, быть участникомъ нашихъ работъ, разделить наше веселье. Геркулеса тоже не было съ нами, онъ куда-то ушелъ. Я пошелъ искать его и къ моей радости увидѣлъ, что Геркулесъ догадался поднять Краснаго-Уса наверхъ и какъ часовой стоялъ около него, охраняя, можетъ быть, послѣдніе дни его жизни. Я ужасно обрадовался.

— И ты здѣсь, Красный-Усъ! Пришелъ поглядѣть на нашу работу?

— Да, вижу, много вы поработали на родной городъ. А я вотъ, ни въ чемъ не могу вамъ помочь. Плохо мнѣ приходится, Пострѣленокъ. Ужасная боль мучить меня. Ни въ чемъ, ни въ чемъ не могу быть вамъ полезенъ. Я даже въ тягость

вамъ. Лучше, ребята, бросьте меня; пусть крылатые драконы растерзаютъ мое никому не нужное тѣло! И бѣдный Красный-Усь задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Нашъ городъ значительно увеличился.?

— Что ты, Красный-Усь, неужели мы не въ силахъ тебя прокормить? Живи себѣ, пока живется. Можетъ быть, и ты намъ будешь полезенъ. Тебѣ тутъ вредно лежать: ты ужасно волнуешься. Пойдемъ, я снесу тебя домой.

И поднявъ, я снесъ его въ комнату... Только что я хотѣлъ подняться наверхъ, какъ вдругъ увидѣлъ Геркулеса, бѣгущаго ко мнѣ со всѣхъ ногъ. Онъ былъ ужасно встревоженъ. Онъ что-то болталъ своими усиками. Я почувствовалъ, что случилось что то страшное.

— Бѣда, Пострѣленокъ, бѣда! Нашъ городъ въ опасности.

— Что? Что случилось?

— Рыжіе муравьи-разбойники окружаютъ нашъ городъ. Мы погибли. Спасайте дѣтей!

Скоро весь городъ узналъ страшную вѣсть. Всѣ собрались въ дѣтскую за личинками и за яйцами, но насъ остановилъ Красный-Усъ, который лежалъ въ нижнемъ городѣ. Большое ему спасибо.

— Куда вы? Ошалѣли! Чего испугались? Ступайте наверхъ, встрѣтите врага. Умрите, но не отдавайте города на разграбленіе. А тутъ и я безногій, съ няньками оправлюсь: сбережемъ дѣтей, снесемъ ихъ въ безопасное мѣсто, въ подземелье. Вы же, охотники, должны встрѣтить врага. Тебѣ, Геркулесъ, и тебѣ,

Пострѣленокъ, мы поручаемъ спасеніе города!

— Да, да, вамъ поручаемъ спасеніе города! кричали царицы.

— Если нужно—умрите, но не выдавайте врагамъ своихъ дѣтушекъ! крикнулъ, содрагаясь, Красный-Усь.

Не ожидалъ я такой силы отъ умирающаго и самъ крикнулъ:

— Спасемъ дѣтушекъ, родину, или умремъ! и мы съ Геркулесомъ бросились на верхъ. Тамъ была страшная суматоха: всѣ бросались изъ стороны въ сторону, наскакивая другъ на друга, крича безъ толку. Всѣ потеряли голову. Нашъ городъ кипѣлъ, какъ муравейникъ.

— Братья! Чего испугались! Еще врага не видно, а вы уже струсили. Кто еще кого одолѣетъ, посмотримъ! Насъ выбрали въ полководцы!

Мы раздѣлились на двѣ арміи: одна, подъ моимъ предводительствомъ, должна была идти впередъ, другая, подъ предводительствомъ Геркулеса, оставалась для защиты города. Мы вышли изъ муравейника. Моя армія была громадная: впер-

ди шель проводникъ, который первый увидѣлъ рыжихъ муравьевъ и зналъ, гдѣ они находятся. Мы шли быстро по нашей дорогѣ. Эта дорога была устроена еще до моего рожденія. Она была очищена отъ бревенъ и листьевъ. Мы всегда ходили по ней на охоту, на любимыя свои мѣста. Итти по ней было легко. Невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ такъ пострадалъ Красный-Усь, показался непріятель.

Я упалъ духомъ, когда увидалъ, что это были рыжіе муравьи, которые ростомъ больше насъ и со страшной головой, въ которой сверкали громадныя двѣ сабли. Они шли чрезвычайно стройно, какъ опытные солдаты, большой колонной, черезъ каждые 30 солдатъ по бокамъ шли офицеры. Представьте мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что ихъ ведетъ тотъ самый муравей, который былъ у насъ въ городѣ и мы по своей добротѣ выпустили его на волю.

Я ужасно разгнѣвался.

— Такъ-то ты отплатилъ за наше добро, что мы оставили тебя въ живыхъ!

Смерть шпиону. Ребята! за мной! и я бросился на врага, а за мною и вся моя армія. Мы загородили путь къ родному городу. Произошла страшная битва. Къ моему ужасу, я видѣлъ, что мы гибнемъ бесполезно. Наши удары о ихъ толстыя головы и крѣпкіе лбы имъ были не чувствительны, тогда какъ мы гибли массами. Насъ становилось все меньше и меньше, но мы не сдавались; видя однако неминуемую гибель, я хотѣлъ дать приказаніе отступить къ городу, какъ вдругъ ко мнѣ прибѣжалъ мой адъютантъ съ радостнымъ извѣстіемъ.

— Къ намъ на помощь Геркулесъ идетъ со своею арміей! доложилъ онъ мнѣ.

— Что-ты? Не можетъ быть!

— Вѣрно, вѣрно!

— Ура, ребята! впередъ, не отступай! крикнулъ я.

Черезъ нѣсколько минутъ показался Геркулесъ съ громадною арміей.

Дружное ура раздалось въ двухъ арміяхъ, и мы набросились съ новой силой на непріятеля. Рыжіе, видя, что къ намъ

Мы набросились съ новой силой на непріятеля.

подоспѣла большая помощь, и что теперь сквозь ряды не пробраться, дрогнули и бросились бѣжать назадъ. Мы ихъ не преслѣдовали.

— Ура, Геркулесь, ты во время поспѣлъ, безъ тебя мы-бы всѣ погибли! Но какъ могъ ты оставить городъ безъ защиты? Можетъ быть, тамъ другіе злодѣи, (мало-ли у насъ враговъ), напали и разрушили нашъ городъ?

— Не безпокойся, Пострѣленокъ, тамъ другая армія стоитъ для защиты города.

— Армія? Откуда она взялась?

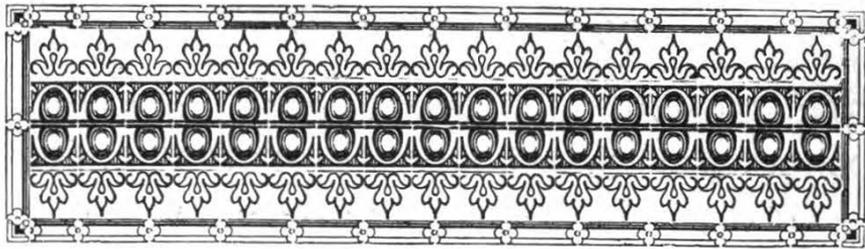
— Красный-Усь ее создалъ. Когда онъ увидѣлъ, что дѣти находятся въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, онъ оставилъ при нихъ немного нянекъ, а всѣхъ остальныхъ уговорилъ итти наверхъ защищать городъ. А мнѣ прислалъ сказать, чтобы я шелъ къ тебѣ на помощь. Я не могъ его послушаться и выступилъ тотчасъ въ походъ!

— Ура! Ура! Красный - Усь! Онъ всѣхъ спасъ. Родной городъ, дѣтокъ нашихъ не далъ въ обиду. Бѣжимъ ско-

рѣе домой, обнимемъ его! раздались радостные крики по всей великой арміи.

И всѣ бросились по большой дорогѣ домой, захвативъ съ собою раненыхъ.

V.

Погромъ.

Послѣднее слово Краснаго-Уса.—Тревожная ночь.—Битва.—Взятіе города:—Гибель дорогихъ дѣтей.—Преслѣдованіе врага.—Меня берутъ въ плѣнъ.

Насъ встрѣтили въ городѣ съ восторгомъ. Этого дня я никогда не забуду. Измученное войско размѣстило раненыхъ по комнатамъ. Няньки принялись ухаживать за ними и смачивать раны.

Мы съ радостью обняли Краснаго-Уса и стали гладить усиками. Онъ былъ однако очень слабъ. Кормилицы принесли ему сахару, но онъ не могъ уже ѣсть.

— Ты, Красный-Усъ, спасъ нашъ городъ, сказалъ я. Ты хотѣлъ умереть, какъ бесполезный членъ семьи, когда послѣ несчастной охоты, мы принесли тебя домой, но, видишь, никогда не на-

до отчаяваться. Твоимъ совѣтомъ, твоей энергіей были спасены тысячи нашихъ дѣтей и нашъ великій городъ! Привѣтствуемъ мы тебя отъ всего города, какъ побѣдителя: твоимъ совѣтомъ мы одолѣли врага. Никогда не забудемъ мы этого.—Живи и служи для счастья любимой родины!..

— Спасибо тебѣ, Пострѣленокъ, за добрыя слова! Какія мои заслуги? Что я сдѣлалъ, то всякій сдѣлалъ бы! Вы одержали побѣду, вамъ и хвала, и честь, а не мнѣ, безногому. Я радъ васъ видѣть, друзья! Но вотъ, что я долженъ сказать вамъ: нельзя еще радоваться: бѣда не миновала: эти рыжіе разбойники хуже драконовъ, хуже льва, который оторвалъ мнѣ ногу.—Они непременно нападутъ на нашъ городъ. Охъ, больно! Не могу говорить, а надо сказать вамъ все... Они навѣрно опять придутъ, я это чувствую... О мои ноженьки, гдѣ вы бѣдныя? Пошелъ-бы и я защищать родину...—Удвойте стражу... По всѣмъ улицамъ разставьте часовыхъ... Не спите... стерегите!“ Еще что-то хотѣлъ ска-

зять Красный-Усь, но его единственную ногу свела судорога, онъ вздрогнулъ, вытянулся и скончался. Такъ кончилъ

Всѣ ворота были завалены бревнами.

свою жизнь великій представитель нашего народа.

Всю ночь мы провели въ тревогѣ. Никто не спалъ. Вездѣ разставили часовыхъ. Всѣ ворота были завалены брев-

нами. Предсмертныя слова Краснаго-Уса поразили всѣхъ. Ожидали нападенія, но ночь прошла спокойно. Наступило утро, и мы принялись за обычную работу.

Послѣ полудня я взобрался на дерево, чтобы осмотрѣть нашъ скотъ, всели у нихъ въ порядкѣ, и съ высокаго мѣста мнѣ было далеко видно. Предсказаніе Краснаго-Уса сбылось. Я увидѣлъ рыжихъ враговъ. Они, какъ всегда, шли громадной ровной колонной. Шло ихъ безчисленное множество. Я отъ страха и горя полетѣлъ внизъ прямо въ муравейникъ.

— Рыжіе! рыжіе идутъ! Спасайтесь! крикнулъ я со страху.—Ужасная вѣсть разнеслась по всему городу. Мы собрались на большой площади и рѣшились всей арміей встать передъ городомъ и защищать его насколько хватить силъ. Рыжіе приблизились, раздѣлились на полки и окружили нашъ городъ. Вышелъ ихъ атаманъ и сказалъ намъ:

— Вы видите, что мы васъ сильнѣе и лучше вооружены, вамъ пришла смерть.

Но мы благородные воины, имѣемъ нѣжныя сердца и не желаемъ убивать васъ бесполезно. Живите себѣ! Мы требуемъ отъ васъ только контрибуціи.

— Чего-же вы хотите отъ насъ, мирныхъ жителей?

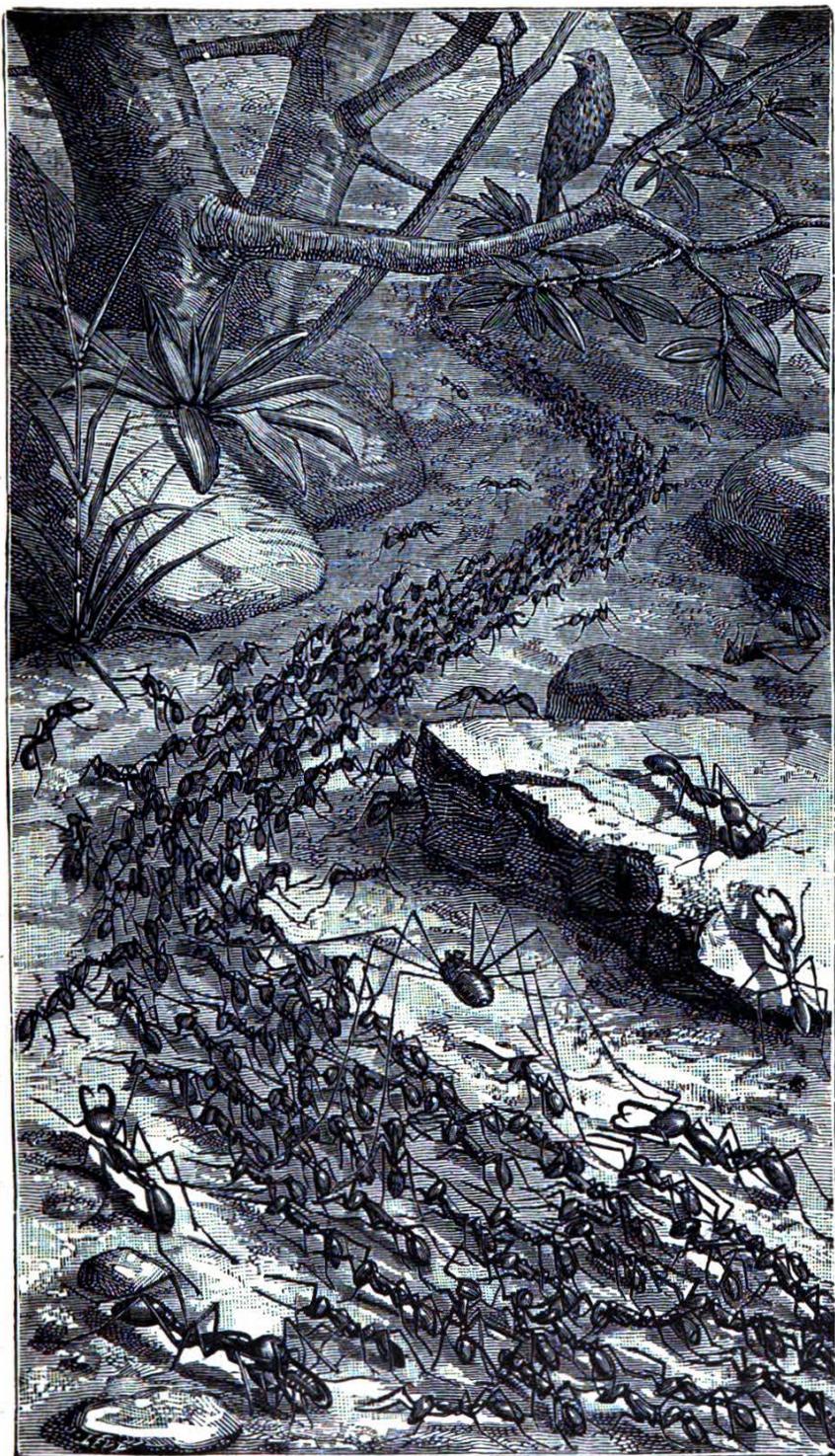
— Мы требуемъ только 2000 вашихъ яичекъ и куколокъ, притомъ непременно породистыхъ, изъ которыхъ вышли бы такія же умницы, какъ вы.

— Спасибо за лестное мнѣніе! Да, вы хотите не многого!.. Вы требуете больше нашей жизни, вы требуете беззащитныхъ нашихъ дѣтей. Неужели вы думаете, что мы безъ бою отдадимъ ихъ вамъ на съѣденіе? Мы всѣ погибнемъ, но не допустимъ васъ до милыхъ дѣтушекъ! сказалъ я.

— Всѣ ляжемъ костью, но не дадимъ на растерзаніе дѣтей своихъ, кричали всѣ.

— Очень васъ жаль. Вы насъ не удержите и бесполезно умрете. Мы не даромъ имѣемъ такія челюсти. За мною ребята!!!

И они защелкали своими страшными

Шло ихъ безчисленное множество.

саблями. Казалось они всѣхъ насъ хотѣли раскусить. Мы бодро встрѣтили нападеніе и бились, что было силъ, не жалѣя жизни; хватали ихъ за ноги, вскакивали на спину, но они какъ будто не замѣчали нашихъ ударовъ, все шли своей дорогой, приближаясь къ городу. Я видѣлъ, что нѣтъ спасенія, пришла наша гибель. Земля была усѣяна мертвыми тѣлами. Въ воздухѣ сильно пахло муравьиной кислотой. Бой продолжался, но все было бесполезно: рыжихъ невозможно было удержать. Я крикнулъ Геркулесу: „Бѣжимъ, спрячемъ скорѣе нашихъ дѣтей!“ и бросились въ городъ. За нами бросилась и часть войска... Мы хватали, кто дѣтей, кто куколь, кто яйца и тащили ихъ!.. Но куда?.. сами не знали, и какъ угорѣлые метались съ ними изъ стороны въ сторону.

Вдругъ стѣна родного города задрожала. Враги—рыжіе ворвались...

Убивъ стражу, они проникли въ улицы, а нѣкоторые прямо проломивъ городскую стѣну, вошли въ дѣтскую. Они заняли весь городъ и стали грабить.

— За мною ребята! Я былъ у нихъ и знаю, куда прячутъ они своихъ дѣтей, услышалъ я знакомый голосъ. Но въ дѣтской они уже мало нашли дѣтей.

— Идемте внизъ: они въ подземельяхъ спрятаны! кричалъ знакомый голосъ. И разбойники ворвались въ под-

земелье и стали челюстями хватать изъ гнѣзда дѣтей, а другихъ силой вырывали у нянекъ и преспокойно уносили. Наши матери, няньки, кормилицы и мы, работники, метались въ страшномъ волненіи, бросались на враговъ, хватали ихъ за ноги, умоляли ихъ! „Бѣдныя наши дѣтушки! Куда вы ихъ несете? не отдадимъ, не отдадимъ! За что, за что, вы ихъ мучите? Что они вамъ сдѣлали? Злодѣи, разбойники!“

— Братья не отдавай, отнимай! кричалъ я въ изступленіи и самъ хваталъ за ноги, то одного, то другого. Но все было бесполезно. Они выходили изъ города, неся каждый или яйцо или куколку, и все это были наши будущіе работники. Я до сихъ поръ не могу понять, какъ въ этой суматохѣ, они могли отличать яйца и выбирать именно тѣ, которыя имъ нужны, т. е. работниковъ.

Ограбивши насъ, они спокойно двинулись домой. Я не могъ вынести этого печальнаго зрѣлища и крикнулъ:

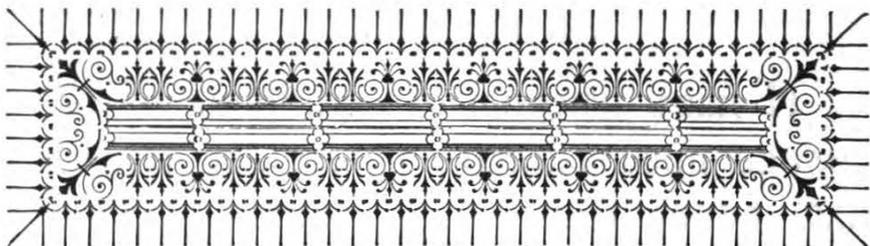
— Пойдемте за ними, отымемъ дѣтей или умремте вмѣстѣ съ ними!

И насъ нѣсколько храбрецовъ бросилось преслѣдовать врага. Мы умоляли ихъ возвратить намъ нашихъ дѣтокъ, но они не обращали никакого вниманія на наши просьбы.

— Ты братъ больно боекъ, чистый Пострѣленокъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, постой-ка, я и тебя захвачу съ собою, и, схвативъ меня громадными челюстями, онъ потащилъ. Я сталъ защищаться и кричать своимъ:

— Братцы, спасите, не выдавайте товарища! но было поздно: я увидѣлъ себя окруженнаго врагами. Я думалъ, что пришелъ, видно, мой конецъ. Прощай, родина, Геркулесъ, дѣтушки, старушки-няни, всѣ прощайте! Пришелъ мой конецъ. Растерзаютъ мое тѣло и сожрутъ меня рыжіе варвары, думалъ я! Прощайте, всѣ прощайте, не поминайте меня лихомъ!..

VI.

Въ гостяхъ у земледѣльцевъ.

Страшный звѣрь — Гибель разбойничьяго гнѣзда. — Я запутался въ шерсти. — Одинъ въ лѣсу. — Въ гостяхъ у земледѣльцевъ. — Я покидаю дорогихъ друзей.

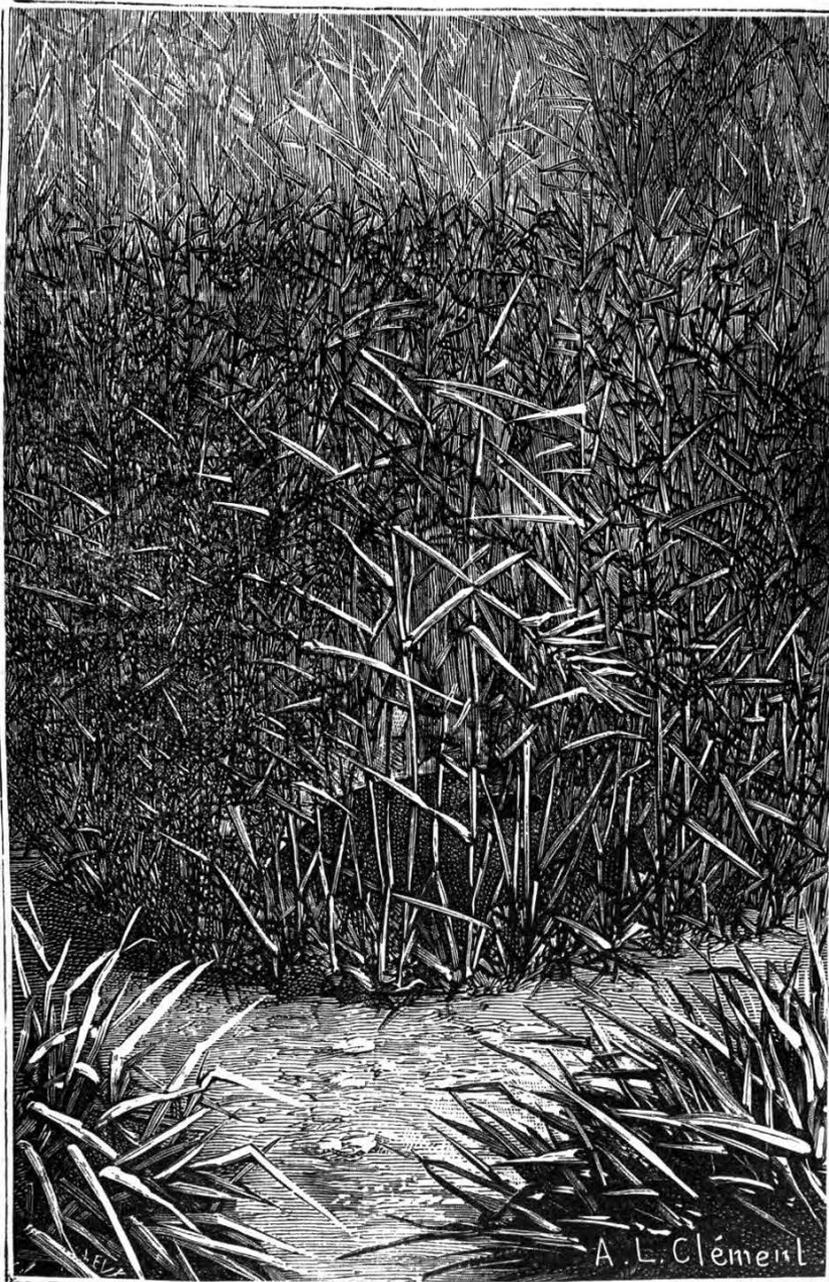
Долго жилъ я въ плѣну у рыжихъ, гдѣ приходилось трудиться такъ же, какъ въ своемъ муравейникѣ. Однажды, размѣстивъ личинки и куколки по возрастамъ, мы заперли ворота и улеглись спать. Ночью случилось страшное происшествіе; я и теперь не могу говорить о немъ иначе, какъ съ ужасомъ. Городъ разбойниковъ погибалъ! Дома, стѣны, цѣлыя улицы летѣли въ разныя стороны. — Я проснулся, вскочилъ и отъ ужаса чуть не сошелъ съ ума. Предо мною было громадное чудовище, величиною въ нѣсколько разъ болѣе нашего города, со всѣми его улицами. Страшилище было

съ громадною головою, все косматое. Оно лапами разрывало нашъ городъ и пожирало все, что ему попадало. Въ его пасти погибло много рыжихъ лѣнтяевъ. Оно добиралось до куколокъ. Всѣ мы и рыжіе бросились на него и кусали его, но оно не обращало на наши уколы никакого вниманія. Я попалъ къ нему въ лапу и полетѣлъ куда-то. Я не потерялъ присутствія духа и закричалъ: „За мною, ребята, нападай дружиѣй, добрайся до тѣла!“

Мы путались въ его густой шерсти, что въ лѣсу, добрались до тѣла, стали кусать. Нѣкоторые изъ смѣльчаковъ вцѣпились ему въ ноздри и такъ здорово его укусили за носъ, что онъ зарычалъ, замоталъ головою и бросился бѣжать.

Я крикнулъ: „падай на землю!“ Всѣ попадали и я бросился, но не тутъ-то было. Я запутался въ густой шерсти, какъ въ паутинѣ. Я употреблялъ всѣ свои силы, но все было бесполезно: чудовище уносило меня съ собою. Что я въ это время испыталъ, каждый можетъ себѣ представить. Долго носилъ онъ меня, по-

нятно, не подозрѣвая о моемъ присутствіи. Часто на дорогѣ онъ вырывалъ, какъ прутья, громадныя пни, ища, должно быть, муравейники. Видя, что мнѣ не выпутаться, я сталъ грызть шерсть, и вдругъ упалъ на землю. Ахъ, какъ я обрадовался! Я былъ спасенъ! Я былъ на землѣ! Я поползъ, самъ не зная куда. Голодъ меня мучилъ. Я искалъ чего-нибудь поѣсть, но ничего не находилъ. Наконецъ мнѣ попался на глаза лѣсной клопъ. Это было отвратительное по запаху животное: вонь отъ него распространилась на большое разстояніе, но я былъ такъ голоденъ, что съ удовольствіемъ съѣлъ его. Подкрѣпивъ себя пищей, я пошелъ дальше, не зная куда итти, гдѣ отыскать родной городъ? Я щупалъ землю щупальцами, тыкался головою, обнюхивалъ все на пути и чувствовалъ, что иду по совершенно незнакомой дорогѣ. Долго шелъ я; наконецъ, увидѣлъ чей-то городъ. Онъ весь закрытъ былъ высокою травою. Вокругъ города на большое пространство такая чистота, что не было видно ни единой соринки. Все во-

Внутри этого очищенного мѣста росла какая-то трава.

кругъ было выглажено, выравнено, такъ, что имѣло видъ красивой мостовой. Внутри этого очищеннаго мѣста росла какая-то трава. Кромѣ нея не было вокругъ ни одной травки. Въ то время, какъ я любовался на окружающую меня картину, меня обступили со всѣхъ сторонъ большіе бурые муравьи. Я опять попался въ плѣнъ.

Они подошли ко мнѣ, стали нюхать и дотрагиваться усиками.

— Что нюхаете? Чѣмъ пахну? клопомъ. А я не клопъ, я такой же трудолюбивый муравей, какъ и вы, а что клопомъ пахну, такъ я его недавно съѣлъ съ голодухи. Ну, а если хотите меня скушать, такъ дѣлайте это, прошу васъ, поскорѣе, а то я и такъ намучился въ жизни. Будеть съ меня!.. и смерть мнѣ не страшна!

— Что вы, мы не людоѣды. Какъ вамъ не стыдно такъ отчаяваться; вѣдь вы еще такой молодой, сказала мнѣ одна изъ бурыхъ.

— Если бы вамъ все рассказать, что я испыталъ въ жизни, у васъ волосы на

головѣ встали бы дыбомъ, еслибы они у васъ были.

— Такъ вы много испытали горя! Пожалуйте къ намъ въ городъ, мы толкуемъ съ вами и если возможно поможемъ вамъ. Мы всякому готовы помочь. Мы васъ накормимъ, вы отдохнете, и если не понравится у насъ, то ступайте, куда хотите. Мы мирные жители, никого не обижаемъ, и вы тоже изъ хорошей семьи?

— Мы скотоводы и занимаемся охотой.

— А, такъ вы гражданинъ великаго города! Мы васъ очень любимъ: вы очищаете нашъ лѣсъ отъ зловредныхъ насѣкомыхъ. Безъ васъ наши поля всѣ были-бы съѣдены!

— Да, каждый нашъ городъ истребляетъ 100,000 насѣкомыхъ въ день, а городовъ у насъ, вы сами знаете, очень много.

— Ахъ, пожалуйста, милости просимъ къ намъ въ гости! И всѣ предомной присѣли, отдали какъ бы честь, и повели меня въ городъ.

Проходя, мимо ихъ полей, я спросилъ:

— Скажите, для чего у васъ такая удивительная чистота?

— Какъ-же, иначе намъ нельзя. Вы видите эту траву? Это нашъ рисъ, превкусная пища. Если мы не будемъ ее очищать, то все покроется сорной травой и погибнетъ. Намъ надо наблюдать чистоту. Вотъ неужодно ли попробовать, какія у насъ растутъ яблочки? и они сорвали для меня яблочко, которое было ароматно и очень вкусно.

— Одолжите мнѣ еще яблочко... Я не могъ хорошо узнать вкусъ, у меня во рту все еще клопомъ отзывается.

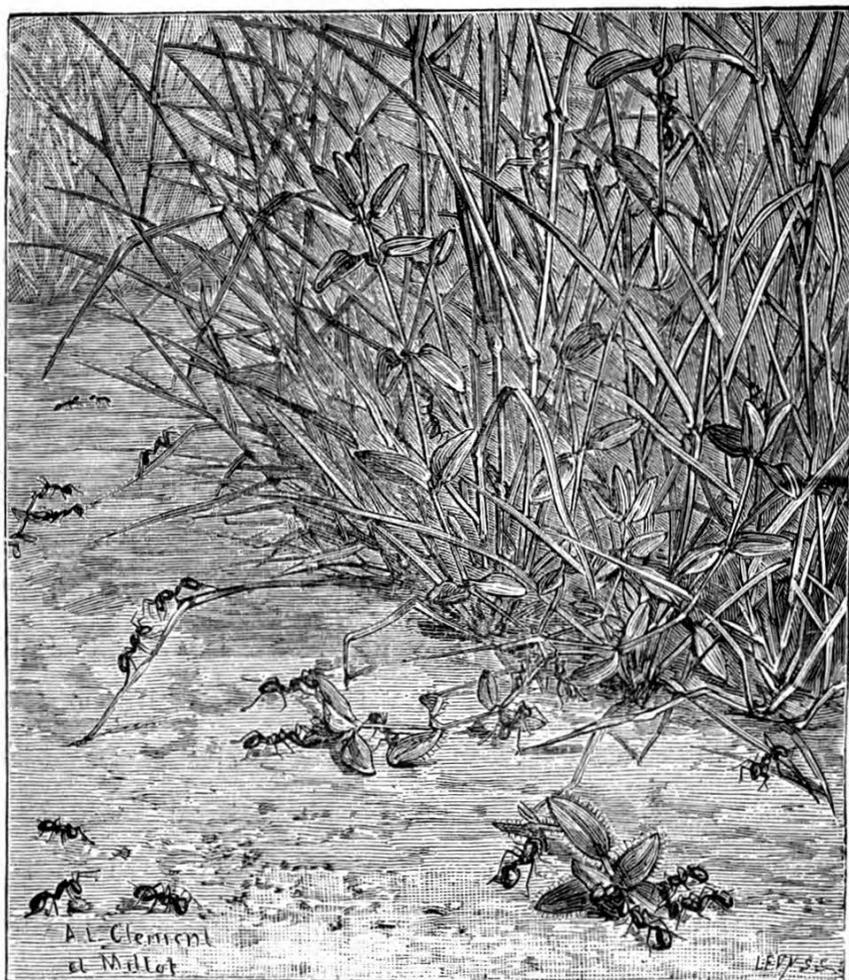
— О, съ удовольствіемъ! и одинъ изъ нихъ, качнувъ травку, снялъ съ нея плодъ. Я съѣлъ и вдругъ весь задрожалъ...

— Что съ вами? Неужели оно такъ невкусно?

— О нѣтъ, ваши плоды напомнили мнѣ молочко нашихъ коровокъ. Никогда мнѣ больше не видѣть ихъ и не пить ихъ молочка.

— Перестаньте, зачѣмъ отчаяваться прежде времени. Вамъ надо отдохнуть,

поѣсть, потомъ мы вамъ покажемъ всѣ
наши сооруженія. Пойдемте къ намъ въ
городъ...

Они спѣшили на свои поля.

Я прожилъ у нихъ нѣсколько дней
и это были хорошіе дни: всѣ ухаживали

за мною и одинъ передъ другимъ старались показать мнѣ сочувствіе. Какіе это были добрые и замѣчательно умные муравьи. Они много работали и у нихъ все шло по хорошему.

Съ ранняго утра, чуть проглянетъ свѣтъ, они спѣшили на свои поля. Первой заботой ихъ было очистить какъ можно большее пространство отъ всякаго сора. Когда почва была готова, они приносили зерна и сѣяли. Вырасталъ ихъ любимый рисъ, они очищали его отъ сорныхъ травъ, срѣзали его челюстями, какъ серпомъ, и уносили въ хлѣбные магазины. Тамъ отдѣляли зерно отъ травы (соломы). Солому выбрасывали, а зерна складывали въ кучу. Главною заботою затѣмъ было, чтобы зерна въ амбарахъ не портились, не пустили бы ростковъ. Если дождь подмачивалъ зерна, они выносили ихъ на солнце, сушили, перебирали и если замѣчали, что нѣкоторыя зерна пустили ростки, то ихъ уже не клали въ запасъ, а тутъ же сѣдали.

Всю эту работу совершали ихъ ра-

ботницы (у нихъ, также какъ и у насъ, были самцы, самки и работницы).

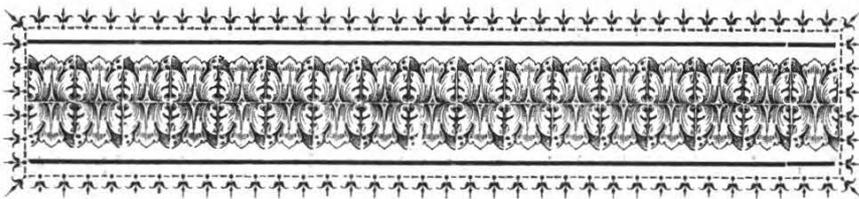
Городъ ихъ былъ громадный; онъ помѣщался, главнымъ образомъ, надъ землею и имѣлъ громадные хлѣбные магазины. Обширныя дѣтскія для личинокъ и куколокъ, и комнаты для родителей. Все у нихъ было превосходно и они жили припѣваючи. Несмотря, однако, на то, что меня здѣсь берегли и старались предупредить малѣйшія мои желанія, я ужасно скучалъ, тоска грызла меня: я ничего не могъ дѣлать. Всѣми своими помыслами я стремился домой. Я постоянно думалъ, какъ-то тамъ живутъ мои родные: мой братъ Геркулесъ, мой отецъ и мать, моя дорогая няня? И я рѣшился, во что бы то ни стало, добратъся до родного города. Я распрощался со своими друзьями, поблагодарилъ ихъ за гостепріимство. Они уговаривали меня остаться, говоря, что идти здѣсь одному опасно, что меня навѣрно съѣдятъ или крылатые драконы, или ящерицы, или нападутъ разбойники-муравьи. Но я чувствовалъ, что не могу жить нигдѣ, какъ

60 ВЪ ГОСТЯХЪ У ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЕВЪ.

только дома, на родинѣ, и рано утромъ отправился въ путь.

Меня провожали земледѣльцы. Пожелавъ счастливаго пути, мы расстались.

VII.

Чудесные огородники.—Муравьи-носильщики.

Терпѣливый труженикъ.—Лѣнтяй на спинѣ у товарища.—
Инженеры путей сообщенія.—На что имъ нужны листья.—
Первые огородники въ мѣрѣ.—Я попалъ въ бѣду.—
Помилованіе.

Я быстро шель по лѣсу. Громадныя деревья, высокія травы и сучья загоразживали мнѣ путь. Силы мои слабѣли, но я не хотѣлъ отдохнуть. Меня поразилъ видъ фруктовыхъ деревьевъ въ этомъ лѣсу: листья на нихъ были всѣ искусственно обточены, такъ что оставалась только средняя жилка. Вскорѣ лѣсъ порѣдѣлъ, и я вышелъ на прелестную дорогу, сдѣланную видимо искусными инженерами. По бокамъ этой дороги возвышались два вала, сдѣланные изъ глины, предохраняющіе ее отъ засоренія; на открытыхъ мѣстахъ были сдѣланы своды. Я рѣшился

здѣсь отдохнуть и вздремнуть, такъ какъ отъ усталости не могъ двигать ни однимъ членомъ. Но не успѣлъ я заснуть, какъ почувствовалъ, что по мнѣ идутъ: одинъ, другой, третій. По счастью, недалеко оказалась небольшая ямочка, куда я поспѣшилъ спрятаться. Черезъ меня неслась великая армія муравьевъ. Они шли не обращая вниманія ни на какія препятствія. Каждый муравей несъ въ своихъ челюстяхъ листь въ три раза болѣе своего тѣла. Не успѣли они пройти небольшое разстояніе, какъ съ другой стороны на нихъ набѣжала такая-же армія муравьевъ, и всѣ смѣшались. Ни тѣ, ни другіе не хотѣли уступить дороги: наскакивали другъ на друга, перелѣзали черезъ своихъ товарищей, падали, опять вставали, бѣжали, вновь натыкались, не выпуская своей ноши, какъ будто-бы она была дороже жизни. Каждый стремился поскорѣе исполнить свою работу.

Меня сильно заинтересовало, на что имъ столько листьевъ? Я рѣшился подойти къ послѣднему муравью, который былъ, видимо, болѣе другихъ утомленъ,

такъ какъ помимо листочка, на спинѣ у него сидѣлъ другой муравей, ловко зацѣпившійся за листь челюстями, и важно катался на товарищѣ, какъ на лошадкѣ.

— Видимо, вы сильно устали? обратился я къ нему. При вашей ношѣ вы катаете еще товарища. Сбросили бы вы его.

— Некогда мнѣ съ нимъ возиться. Авось дотащу, теперь недалеко, при томъ я терпѣливъ и силенъ.

— Скажите, для чего вамъ такая масса листьевъ?

Я давно замѣтилъ, что ближайшіе лѣса истреблены и никакъ не ожидалъ, что ихъ уничтожаютъ муравьи?

— О эти листья намъ очень нужны. Безъ нихъ мы не можемъ жить. Это лучшій навозъ на нашъ огородъ.

— Навозъ?

— Вотъ войдете въ нашъ городъ, сами увидите, а теперь извините, мнѣ трудно разговаривать!

— Извините, пожалуйста! И мы пошли молча.

Но любопытство мое было возбуждено, и я не могъ удержаться отъ во-

проса: Скажите, отчего у васъ у всѣхъ такіе круглые листья?

— Очень просто, мы обрѣзаемъ ихъ такимъ образомъ: мы становимся на заднія лапки посреди листа и вертимся всѣмъ туловищемъ; въ это время наши челюсти, какъ ножницы, разрѣзають листня.

Муравьи-носильщики шли по разрушенной дорогѣ съ большимъ трудомъ, браня своихъ инженеровъ, но напрасно, не прошло пяти минутъ, какъ я замѣтилъ всюду бѣгущихъ муравьевъ. Это были инженеры. Они тотчасъ же принялись за починку. Нужно было удивляться быстротѣ ихъ работы. Своими крѣпкими челюстями, они равняли землю, стаскивали мусоръ и строили валы по обѣ стороны дороги.

Я замѣтилъ изъ всей своей тяжелой и полной приключеній жизни, что мы— муравьи стремились къ одной цѣли, а трудъ и терпѣніе преодолеваетъ всѣ препятствія.

Носильщики не хотѣли ждать поправки дороги: они торопились. Съ гро-

маднымъ усиліемъ прошли это мѣсто и подошли къ городу.

На опушкѣ лѣса раскинулся ихъ городъ. Издали онъ казался широкимъ низкимъ холмомъ, построеннымъ изъ бурой глины. Подойдя къ городу (хотя самъ я принадлежалъ къ породѣ трудолюбивыхъ муравьевъ), я былъ пораженъ кипучею дѣятельностью.

Дороги около города были образцовы. По нимъ со всѣхъ сторонъ бѣжали муравьи со своими листьями, и скрывались въ городъ. Внутри города было устроено множество ходовъ, узкихъ и широкихъ, ведущихъ къ центру. Было ужасно жарко и душно отъ множества работниковъ. Весь воздухъ былъ пропитанъ ихъ испареніями. Я вошелъ въ городъ.—Посреди его возвышалась рыхлая сѣроватая масса, съ безчисленными ходами *). Въ ней лежали яйца, личинки и куколки, какъ и въ нашемъ гнѣздѣ. При видѣ ихъ, сердце мое забилося отъ ра-

*) Похожа на нашу большую греческую ноздреватую трубку.

дости. Я хотѣлъ было, какъ у рыжихъ, приняться за работу и искалъ вездѣ сладенькаго, чѣмъ покормить личинокъ и утолить мучившій меня голодъ, но увидѣлъ, что тутъ совершается что-то очень таинственное. Я глядѣлъ на чудесныхъ муравьевъ и не понималъ, что они дѣлаютъ. Они брали листочекъ въ лапки, разрѣзали его на части, старательно кололи его челюстями, ворочая, при этомъ во всѣ стороны, такъ что всѣ ткани листа были разорваны, и онъ превращался въ темный комочекъ.

Эти комочки они брали въ ротъ, какъ я думалъ, для ѣды, но они не ѣли, а несли на верхъ. Сюда каждый муравей приносилъ свой комочекъ, челюстями, головой и ногами прижималъ его къ сѣрой массѣ, образовывая валъ, другіе клали свои рядомъ—дѣлался сводъ.

Вотъ почему эта сѣрая масса изрѣзана ходами, подумалъ я, все таки не понимая, къ чему это.

— Что это за чудовище, за которымъ вы такъ старательно ухаживаете, и такъ много кормите? спросилъ я какъ

разъ того муравья, который катался на спинѣ товарища.

— Это превкусная наша пища, которой мы кормимъ даже нашихъ дѣтей.

— Пища? Почему же вы не глотаете листочки, а кладете ихъ сюда?

— Извините, мы не листоѣды какіенибудь, а знаменитые огородники.

— Огородники? Что-же вы разводите?

— Грибы; мы много трудимся, чтобы создать наши огороды и чтобы выросли на нихъ лучшіе сорта грибовъ. Пойдемте, я покажу вамъ. Кстати я очень усталъ, много трудился и сильно проголодался.

Мнѣ ужасно хотѣлось сказать ему, что я видѣлъ, какъ онъ трудился на спинѣ товарища, но я воздержался. вмѣстѣ поднялись мы въ верхнюю часть огорода. Онъ былъ синевато-чернаго цвѣта съ разбросанными по немъ маленькими сѣроватыми бугорками, отъ которыхъ во всѣ стороны шли тоненькія ниточки *).

*) Грибы размножаются изъ очень маленькихъ пузырьковъ споръ. Изъ споръ вырастаютъ во всѣ стороны бѣлыя

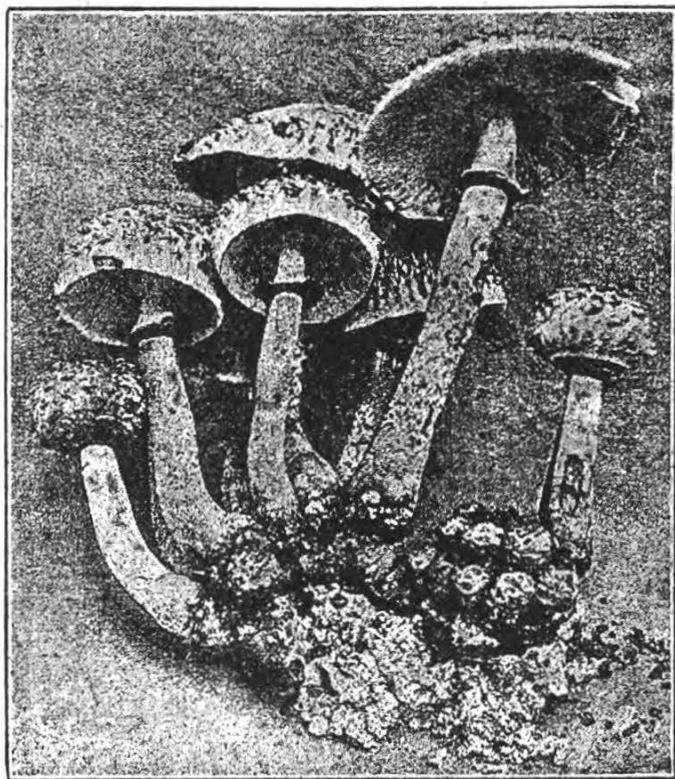
— Вотъ наши грибы, съ гордостью сказалъ мнѣ муравей. Вѣроятно, вы видѣли въ лѣсу мухоморы? Наши грибы той-же породы, только они очень, очень маленькіе. Мы любимъ эти грибы: они единственная наша пища. Уничтожь нашъ огородъ, и мы погибли съ голоду.

— Для чего же вамъ такъ много листьевевъ? Вашъ товарищъ, на которомъ вы изволили кататься (не утерпѣлъ я попрекнуть его) сказалъ мнѣ, что листья—это вашъ навозъ.

— Ахъ этотъ грубіянь, невѣжа! Они для насъ дороже золота: ими питается нашъ грибокъ. Мы удобряемъ ими почву. Однако самая трудная работа это очистить огородъ отъ ненужныхъ предметовъ: чуть недоглядишь—заведется другая грибница, вырастутъ поганки, которыхъ мы не можемъ ѣсть, а это такъ трудно. Наши работницы и на ногахъ и на листочкахъ приносятъ много вредныхъ для грибковъ предметовъ, изъ которыхъ вы-

ниточки, въ видѣ сѣти, такъ называемая грибница. На ней проявляются бугорки, которые быстро обращаются въ грибы.

растаютъ другія породы грибовъ, ненужныхъ намъ, которыя приходится выдергивать. Поглядите, какая образцовая чи-

— Вотъ наши грибы..

стота: вездѣ и вездѣ растеть одинъ нашъ любимый грибокъ, нашъ сахаръ *).

— Вы видите муравьевъ немного меньше насъ; это работники, вырывающіе сорныя грибницы.

*) Люди до сихъ поръ научились разводить только одинъ видъ грибовъ, а именно шампиньоны.

— Теперь я все понял и вижу, какіе вы мудрые муравьи! Я недавно гостилъ у земледѣльцевъ, тѣ сѣять простой рисъ. Для этого не требуется столько труда и искусства, какъ для вашихъ грибовъ... Позвольте мнѣ отвѣдать вашего чудеснаго кушанья? Я ужасно былъ голоденъ, и аппетитъ мой еще больше усилился, когда я видѣлъ, съ какимъ удовольствіемъ всѣ срывали и кушали грибки. Не дождавши приглашенія, я самъ вырвалъ грибъ, съ жадностью вкусилъ его, но въ ту-же минуту выбросилъ: такимъ отвратительнымъ показался онъ мнѣ.

— Ну, ужъ и сахаръ! Это рвотное! Стоитъ разводить такую гадость! Мой муравей зачѣмъ-то убѣждалъ. Я хотѣлъ уйти изъ огорода, но былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ огородниками. Они набросились на меня, со злостью щелкая челюстями и махая усиками. Я былъ бы немедленно растерзанъ, если бы потерялъ присутствіе духа, и громко сказалъ:

— Господа великіе огородники! Повѣрьте мнѣ я удивляюсь вашему искусству разводить грибы, но увѣряю васъ

я больше не трону этой гадости, хотя она кажется вамъ слаще меду. Извините за откровенность! Отпустите меня. Что вамъ въ моей смерти? Вы мирные огородники и никого не привыкли убивать. Выведите меня изъ вашего чудеснаго города, и я опять отправлюсь отыскивать свою родину.

Меня не слушали. Все большая и большая толпа со злобными лицами окружала меня. На мое счастье, между ними я узналъ муравья, который ввелъ меня въ городъ.

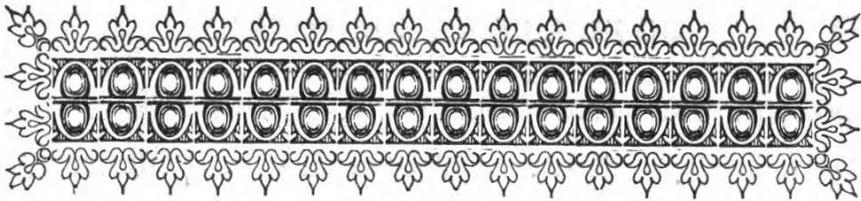
— Господинъ муравей, обратился я къ нему будьте, великодушны, спасите меня! Не для того же ввели вы меня въ городъ, чтобы тутъ растерзать?

— Но зачѣмъ залѣзли вы въ нашъ огородъ? Посмотрите, какой ужасный безпорядокъ произвели вы въ немъ!

Я оглянулся и дѣйствительно увидѣлъ, что по своей неосторожности я много поломалъ этихъ противныхъ грибовъ. Въ ту-же минуту почувствовалъ я, что меня схватили челюстями и потащили вонъ изъ города. Муравей, который сма-

нилъ меня ѣсть эти поганые грибы, тоже схватилъ меня за ноги и своими острыми челюстями откусилъ мнѣ, къ моему счастью, только маленькій кончикъ ноги. Я задрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ страшной боли. Меня вынесли за городъ и бросили на дорогу. Я былъ спасенъ, и, хотя съ трудомъ, могъ вновь итти искать мою дорогую родину.

VIII.

Возвращеніе на родину.

Счастливая встрѣча.—Живой мостъ.—Муравьи-гонители.—
Мое отчаяніе.—Я попалъ на слѣдъ.—Меня узнали.

Долго я шель, не останавливаясь. Уже солнце закатилось, а я и не думалъ отдыхать. Прошелъ второй день, я измучился, забрался подъ листь и крѣпко заснулъ. Подкрѣпившись сномъ и ѣдой, я опять поползъ. Много попадалось мнѣ страшныхъ громадныхъ животныхъ. Не разъ, я думалъ, пришелъ мой конецъ. Къ моему счастью, они не обращали никакого вниманія на меня: я былъ для нихъ плохою добычей, былъ для нихъ такъ малъ, что они меня не замѣчали. Я подошелъ къ какой-то рѣкѣ. Я ужасно усталъ и проголодался; какъ нарочно мнѣ ничего не попадалось съѣдомаго. Вдругъ съ дерева упала... Чтò бы вы думали? Ко-

ровка, да, настоящая коровка, точь въ точь какъ наша домашняя коровка. Я ужасно обрадовался ей, какъ своему лучшему другу.

Эге, думалъ я, надо полакомиться, давно не пилъ молочка. Я подползъ къ ней, но она, хитрая, куда-то скрылась и я не могъ ея найти. Тогда я догадался, что ихъ, должно быть, много на деревѣ, такъ какъ оно было пахуче. Я поползъ на дерево, гдѣ и увидѣлъ громадное стадо коровокъ. Онѣ всѣ были въ кучѣ, одна только отстала отъ прочихъ. Я тихонько подползъ къ нимъ и сталъ доить. Она выпустила сладкій сокъ, и я съ удовольствіемъ напился. На этомъ деревѣ я рѣшился отдохнуть въ сосѣдствѣ съ коровками, тѣмъ болѣе, что была страшная жара. Умѣстившись, я сталъ оглядывать мѣстность. И вдругъ я увидѣлъ, какъ черезъ рѣку какіе-то муравьи строили мость. Это было удивительное зрѣлище; если бы я самъ не видѣлъ, то съ трудомъ повѣрилъ бы этому. Они совершали это такимъ образомъ: муравей за муравьемъ цѣплялись и падали въ воду,

и образовали изъ себя живую гирлянду, которая дѣлалась все длиннѣе и длиннѣе, и наконецъ теченіемъ ее прибило къ нашему берегу. Одинъ изъ муравьевъ схватился за вѣтку и въ тоже время всѣ остальные муравьи бросились по ней; образовали вторую, третью, четвертую гирлянду и т. д. Сдѣлавъ мостъ, муравьи всѣ перешли, и громадное количество ихъ появилось на нашемъ берегу. Я смотрѣлъ и думалъ: ужъ не за мною ли рыжіе разбойники гонятся, такъ какъ издали они были похожи на нихъ. Но потомъ я замѣтилъ, что они были темно-коричневаго цвѣта, челюсти у нихъ были меньше, но голова была очень большая и, повидимому, они обладали ужасной силой. Я со страхомъ глядѣлъ на нихъ и думалъ: что если имъ вздумается лѣзть на дерево, погибъ тогда я вмѣстѣ со всѣми коровками. Но передовые, выступивъ на берегъ, стали строить какъ мнѣ сперва показалось, городъ, но скоро я увидѣлъ, что они просто построили себѣ большой круглый сводъ. Строили они его очень ловко изъ грязи,

выпуская изо рта жидкость, которая, какъ клей, склеивала грязь и образовывался сводъ надъ землею. Сдѣлавъ сводъ, они провели подъ нимъ все свое войско.

Я до сихъ поръ не могу понять, для чего они строили эти своды, такъ какъ они скоро всѣ вышли изъ него и пошли налѣво по рѣкѣ*). Все это было такъ чудно, что впослѣдствіи кому я не рассказывалъ, всѣ говорили: это сказки тебѣ, почудилось отъ страха.

Муравьи медленно двигались, истребляя все, что имъ попадалось на пути: мелкія животныя, крылатые драконы, ящерицы, увидѣвъ ихъ, бросались въ сторону и прятались, гдѣ кто могъ. Я видѣлъ страшнаго змѣя, который ползъ и долженъ былъ преградить имъ дорогу, но, увидя ихъ, испугался и быстро поползъ въ другую сторону. Всѣ бѣжали отъ нихъ! Я глядѣлъ и думалъ: „вотъ такъ муравьи-гонители!

*) Муравьи-гонители устраиваютъ подобные своды, когда имъ нужно въ солнечный жаркій день идти по открытому мѣсту, чтобы защитить себя отъ палящихъ лучей солнца, которые ихъ моментально убиваютъ.

Что если попадется имъ на пути нашъ городъ! Они всѣхъ сожрутъ, никому не

Все это было такъ чудно.

дадутъ пощады“. Со страха я соскочилъ съ дерева и бросился бѣжать отъ нихъ

въ другую сторону, направо по рѣкѣ. Скорѣй бы конецъ, скорѣй бы смерть! Такъ думалъ я, а самъ все шелъ и шелъ впередъ, самъ не зная, куда приведетъ меня судьба. И вдругъ я почувствовалъ на землѣ запахъ муравьиной кислоты. Я весь содрогнулся, такъ этотъ запахъ мнѣ былъ знакомъ, онъ былъ родной запахъ моей земли.

Я заметался, забросался изъ стороны въ сторону. Я напалъ на слѣдъ моихъ родныхъ и чувствовалъ, что они были здѣсь очень недавно. Я вновь побѣждалъ впередъ, что было силъ. Вотъ наконецъ мѣсто, гдѣ была битва, вотъ гдѣ пришелъ Геркулесъ ко мнѣ на помощь... А вотъ и родная дорогая! Я бросился бѣжать по ней, но силы мои слабѣли... И вдругъ!.. О! какъ я обрадовался! Я увидѣлъ мой родной муравейникъ! Онъ стоялъ высоко, горделиво, увеличившись чуть не вдвое.—Была ночь. Всѣ спали, но я зналъ ходы, осторожно приподнялъ я бревна, загораживающія дорогу, и вошелъ въ родной городъ. Часовые бросились на меня, они меня не узнали и хотѣли растерзать.

По всему городу поднялась тревога. Неужели они меня не признаютъ и убьютъ, какъ чужака, въ родномъ городѣ? Для чего же тогда я перенесъ столько мученій. О! лучше бы мнѣ остаться жить у добрыхъ земледѣльцевъ. Я всталъ на заднія ноги какъ бы на колѣни и вдругъ увидѣлъ Геркулеса. Онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ обнюхивать, но я не выдержалъ и бросился къ нему въ объятія!

— Пострѣленокъ?!.. Ты ли это?..

— Я, я! братъ ты мой. Я возвратился наконецъ къ вамъ! и я бросился всѣхъ обнимать, и отца, и мать, и дорогую няню. Я плакалъ отъ радости.

Ахъ, вотъ я подъ конецъ и налгалъ: слезъ у насъ муравьевъ не бываетъ на глазахъ, мы не можемъ плакать. Ну, на этотъ разъ простите!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Первые дни.	стр.
Мое младенчество.—Я личинка.—Мой домикъ— коконъ.—Освобожденіе	1
II. Нашъ городъ и его жители.	
Работы по городу.—Мусорщики—Душистая тля.— Въ гостяхъ у матери.—Наши игры	8
III. Въ лѣсу на охотѣ.	
Наши коровы.—Забравшійся воръ.—На охотѣ.— Мой бой съ кузнечикомъ.—Въ берлогѣ у льва.—Гибель товарища.—Возвращеніе домой	20
IV. Городъ въ опасности.	
Веселый отдыхъ.—Первое извѣстіе о непріятелѣ.— Ужась муравейника.—Поступокъ Краснаго-Уса.—Бит- ва.—Побѣда.	30
V. Погромъ.	
Послѣднее слово Краснаго-Уса.—Тревожная ночь.— Битва.—Взятіе города—Гибель дорогихъ дѣтей.—Прес- лѣдованіе врага.—Меня берутъ въ плѣнъ	40
VI. Въ гостяхъ у земледѣльцевъ.	
Страшный звѣрь.—Гибель разбойничьяго гнѣзда.— Я запутался въ шерсти.—Одинъ въ лѣсу.—Въ гостяхъ у земледѣльцевъ.—Я покидаю дорогихъ друзей	50
VII. Чудесные огородники.—Муравьи- носильщики.	
Терпѣливый труженикъ.—Лѣнтяй на спинѣ у това- рища—Инженеры путей сообщенія.—На что имъ нужны листья.—Первые огородники въ мірѣ.—Я попалъ въ бѣду.—Помилованіе	61
VIII. Возвращеніе на родину.	
Счастливая встрѣча.—Живой мостъ.—Муравьи- гонители.—Мое отчаяніе.—Я напалъ на слѣдъ.—Меня узнали	73

ИЗДАНИЯ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

А. Ф. ДЕВРІЕНА.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., Румянцевская пл., соб. д. 1—3.

Бабушка Татьяна. *Первая Люшина книжка*, проф. **П. А. Висковатова.** Съ хромолитографическими рисунками художника *фанъ Нифтрика.* 2-ое изд. Цѣна въ папкѣ 1 р. 60 к.

Пѣсни бабушки Татьяны. *Вторая Люшина книжка*, проф. **П. А. Висковатова.** Съ хромолитографированными рисунками художника **А. П. Эйнера.** Цѣна въ папкѣ 1 р. 60 к.

Прочная книжка. Сказки для малютокъ. Текстъ и рисунки наклеены на толстую папку. Съ 12-ю хромолит. карт. Въ переплетѣ 2 руб. 50 к.

Сборникъ стиховъ для дѣтей. Изданіе и рисунки княгини **А. Г. Святополкъ-Четвертинской.** Одинъ томъ въ большомъ форматѣ, роскошно отпечатанный въ двухъ краскахъ; каждая страница съ иллюстраціями къ стихамъ. Въ перепл. Ц. 2 р.

Дикія животныя. 12 табл. рисунковъ, съ объяснит. текст. въ перепл. Ц. 80 к.

Домашнія животныя. 8 табл. рисунковъ, съ объяснит. текст. Изданіе на бумагѣ, ц. 50 к., на холстѣ—ц. 80 к.

Былыя небылицы. Семь любимыхъ дѣтскихъ сказокъ братьевъ *Гриммъ* и *Перро.* Составилъ **А. Алтаевъ.** Съ 6-ю хромолитографированными рисунками на отдѣльныхъ таблицахъ. Ц. въ пер. 2 руб.

Живое слово. Пособіе для нагляднаго обученія дѣтей въ семьѣ и школѣ. Обработала по Штаубу и др. **О. И. Рогова.** Одинъ большой томъ in folio съ 24 таблицами хромолитографій, съ 400 изображеніями различныхъ предметовъ, взятыхъ съ обстановки дома, двора и лѣса, съ объяснительнымъ текстомъ. Ц. въ иллюстрированномъ переплетѣ 4 р.

Царство животныхъ, въ картинахъ, 250 хромолитографированныхъ изображеній для нагляднаго обученія Сія.

объяснительнымъ текстомъ *П. Ю. Шмидта*. Большой томъ in folio, въ иллюстрированномъ перепл. Цѣна 4 р.

Царство растеній и царство минераловъ. 270 хромолитографированныхъ изображеній для нагляднаго обученія. Съ объяснительнымъ текстомъ *П. Ю. Шмидта*. Большой томъ in folio, въ иллюстр. перепл. Цѣна 4 руб.

Кораллы. Разказы и сказки для маленькихъ дѣтей *О. Григорьевой*. Съ рис. *Т. Никитина* и *М. Григорьевой*. Въ иллюстрированномъ пер. Ц. 2 руб.

Снѣжинки. Разказы для малютокъ *А. Алтаева*. Обложку и картины пис. *Е. Бемъ*. Виньеты рис. *О. Сомина*. 2-ое изд. Въ иллюстрир. переплетѣ. Ц. 2 р.

Чудесныя приключенія барона Мюнхгаузена, рассказанныя дѣдушкою своимъ внукамъ. Перевела съ нѣмецкаго *О. И. Рогова*. Съ 6-ю хромолитограф. рис. и въ иллюстр. перепл. 3-е изданіе. Ц. 1 р. 75 к.

Путешествіе д-ра Гулливера въ страну лиллипутовъ и къ великанамъ. Передѣлала по Свифту для русскаго юношества. *О. И. Рогова*. 4-е дополн. изд. Съ 12-ю хромолит. рис. и 19-ю политипажамъ въ текстѣ, въ иллюстрированномъ переплетѣ. Цѣна 1 р. 75 к.

Донъ - Кихоть Ламанчскій, рыцарь печальнаго образа и рыцарь львовъ. Передѣлала по Сервантесу для русскаго юношества *О. И. Рогова*. 3-е изд., съ 6-ю хромолит. рис. Въ иллюстрированномъ пер. Цѣна 1 р. 75 к.

Рѣпосчетъ. Преданія о духѣ Исполинскихъ моръ. Перев. съ нѣм. *О. И. Рогова*. Съ 6-ю хромолит. Въ иллюстрир. пер. Ц. 2 р.

Веселая зима. Разказъ для дѣтей. *О. Т. Сергеевской*. Изданіе 3-е. Съ рис. *Н. Н. Каразина*. Цѣна въ обложкѣ 30 коп.

Волшебныя сказки. *В. Самойловичъ* (*С. П. Соболевой*). Съ 5-ю хромолитографіями по акварелямъ и съ рисунками въ текстѣ. *С. С. Соломко*. Въ иллюстрированномъ переплетѣ. Цѣна 3 р.

Новыя сказки. *Л. Бехштейна*. Переводъ съ нѣмец. *Е. П. Опаровской*. Съ 6-ю большими рисунками въ краскахъ и 61 полит. въ текстѣ. Цѣна 2 р. 75 к.

Рейнике-Лисъ-Хитродумъ. Передѣлано съ нѣмец. *Н. И. Позняковымъ.* Съ 7-ю хромолит. и 29-ю полит. въ текстѣ по рис. Хр. Фотелера. Въ иллюстр. пер. Ц. 2 р.

Приключенія маленькаго Коли. Разсказъ для семилѣтокъ. *А. Д. Зацъпиной.* 2-е изданіе. Съ рис. С. В. Животовскаго. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Ангелъ любви. Разсказъ для дѣтей. *Л. Т. Мидъ.* Переводъ съ англійскаго Н. Кургановой. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. 25 коп.

Сказки-Дѣда-Всевада. Сборникъ дѣтскихъ сказокъ. Составленъ по разнымъ источникамъ. 2-е дополненное изданіе. Съ 12-ю хромолитографіями и 99 политипажамъ въ текстѣ. Одинъ большой томъ in folio въ изящномъ иллюстр. пер. Ц. 5 р.

Ручеекъ. Разсказы для дѣтей изъ естественной исторіи и дѣтской жизни. *А. Б. Хвольсонъ.* 3-е просмотрѣнное и дополненное изданіе. Съ 60-ю рис. М. Михайлова и др. Въ иллюстр. пер. Ц. 2 р. 25 к.

Избранныя сказки Г. Х. Андерсена. Въ пересказѣ для дѣтей. *О. И. Ролювой.* 3-е изд. съ 5-ю хромолитографіями по акварелямъ Н. Н. Каразина и съ 26-ю рис. въ текстѣ in 4⁰. Въ перепл. Цѣна 2 р. 50 к.

Волшебныя сказки. 12 сказокъ, съ 12-ю хромолитографированными картинами. Въ перепл. 1 р. 50 к.

Какъ я была маленькой. Изъ воспоминаній ранняго дѣтства. *В. П. Жемиховской.* 5-е пересмотр. изданіе. Съ рис. худ. Е. С. Зарудной-Кавосъ. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 20 к.

Звѣздочки. Рождественскіе разсказы для дѣтей *В. П. Жемиховской.* Съ 20-ю рис. Н. И. Ткаченко. 2-е изданіе. Въ перепл. Ц. 1 р. 75 к.

Среди цвѣтовъ. Разсказы стараго садовника. По премированному французской академіей сочиненію *Эмиля Дебо:* „Le jardin de M-lle Jeanne“, передѣлала для русскихъ дѣтей *Анна Хвольсонъ.* 3-е изд. съ 90-ю рис. въ текстѣ; въ иллюстр. перепл. Цѣна 2 руб.

Исторія маленькаго лорда. *Френсиса Бернетъ.* Переводъ съ англ. *Е. А. Сысоевой.* 5-е изд. Съ 23 рис. Въ коленкоров. пер. Ц. 1 р. 75 к.

И все это правда! Умъ и нравы животныхъ. Сборникъ разсказовъ. *II. Дружба.* Съ рис. Ф. Шпехта, С. В. Животовскаго и др. 4-е изд. Въ коленкор. пер. Ц. 2 р. 50 к.

Кукуреку! Разсказъ для дѣтей средняго возраста. Сочиненіе *Бернардо.* Переводъ съ французскаго О. М. Мижуевой. Съ 84-мя рисунками. Ц. въ коленкор. пер. 2 р. 75 к.

Федина курочка. Повѣсть для дѣтей. *II. Незванова* (П. Тицъ). Съ рис. В. А. Табурина и Е. А. Степанова. 2-е изданіе. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп.

Ландышъ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. *О. И. Роговой.* Со многими рисунками. 4-е значительно дополненное изд. Въ колекор. перепл. Ц. 2 р. 25 к.

Ласточкино гнѣздо и другіе разсказы для дѣтей. *О. И. Роговой.* 3-е изд. Съ 48 рис. въ текстѣ. Въ иллюстрир. переплетѣ. Цѣна 2 р.

Двѣ дѣвочки и одинъ мальчикъ. Картины изъ жизни дѣтей въ Америкѣ. *Р. Г. Флетчера.* 2-е изд. въ переводѣ Н. В. Желиховской. Съ 19 рис. Въ иллюстриров. переплетѣ. Ц. 2. р.

Робинзонъ Крузо. Составлено по ром. *Д. Дефо.* Изданіе 2-е, заново перераб. *А. Алтаевымъ.* Со 100 раскраш. рис. въ текстѣ. Цѣна въ коленкор. переплетѣ 3 р.

Которая изъ двухъ? Повѣсть *М. А. Ляминой.* Съ 6-ю рис. *Е. П. Самокишъ-Судковской.* Ц. брош. 45 к., въ папкѣ 60 к.

Самородокъ. Повѣсть для дѣтей. *М. А. Ляминой.* Съ 6-ю рис. акад. А. И. Морозова. Ц. 25 к., въ перепл. 40 к.

Большакъ. Повѣсть для дѣтей. *А. В. Крулова.* 7-е издан. Съ рисунками *В. Андреева.* Ц. 60 к., въ перепл. 80 к.

Быть и казаться. Три повѣсти изъ дѣтской жизни *Н. А. Соковнина.* Хочу быть большимъ. — Хочу быть мужественнымъ. — Хочу быть доброй. — 2-е изд. Съ 27-ю иллюстр. *Е. П. Самокишъ-Судковской.* Ц. въ иллюстр. переплетѣ 2 р.

Полный каталогъ книгоиздательства А. Ф. Девриена
высылается по требованію бесплатно.

В. Авенариус

**СКАЗКА
О МУРАВЬЕ-БОГАТЫРЕ**

Рис. Н. Каразина

В. П. АВЕНАРИУСЪ.

СКАЗКА
О
МУРАВЬ-БОГАТЫРЬ.

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Издание редакціи журнала «РОДНИКЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1883.

I.

ЖАТВА*

было время жатвы — как у людей, так и у муравьев-земледельцев. Вся нива у подножия муравейника кишела муравьями-жнецами. Одни из них сидели на верхушках колосьев и своими острыми челюстями, как серпом, срезали стелки спелых зерен дикого риса. Другие ждали у корней колосьев, подхватывали срезанные зерна и, тут же очистив их от пленки, уносили в склад.

Между полосами хлеба были проведены правильные дорожки, которые лучами сходились к главным воротам муравейника. По краям дорожек, на определенных дистанциях, были временные склады зерен. Срезанные зерна доставлялись жнецами от колоса только к первому складу. Отсюда другие муравьи, носильщики, перетаскивали их далее, к следующему складу. Так, от склада к складу, зерна поступали, наконец, на руки муравьев-магазинщиков, у входа в муравейник, а те относили их уже внутрь муравейника, в зимние амбары и кладовые.

* История героя настоящего рассказа, разумеется, вымышлена. Все же подробности, касающиеся домашнего и общественного быта муравьев-земледельцев и муравьев-скотоводов, способа ведения ими войны и проч., согласны с действительностью.

Вся работа эта производилась мелкими, пепельно-черными муравьями. Но они не были хозяевами муравейника. Хозяевами были крупные, бронзово-рыжие муравьи, которые всей компанией лениво нежились на солнышке, на пологом скате муравейника. Отсюда, с вышины, им удобно было обозревать всю площадь нивы и наблюдать за чернорабочими.

Между отдыхающими рыжими хозяевами отличалась необычайною величиной и дородностью одна особа. Она, как видно, пользовалась особенным почетом, потому что возлежала на душистом коврикe — розовом лепестке. То была родительница всех окружающих рыжих, мать-муравьяха.

И покой ей, точно, был нужен. Все утро пошло у нее на кладку яиц. Не десяток, не сотню и даже не тысячу яиц положила она: десять тысяч штук ровнехонько! Близкая к обмороку, выбралась она на вольный воздух, отдышаться. Благо есть целый полк опытных дядек из той же трудолюбивой породы мелких чернорабочих: из яичек они выведут личинки; свернется личинка в кокон — ждут-пождут, сколько нужно, а там выпустят из кокона уже готового, как есть, муравья. О, они знают также свое дело!

Пригретая солнышком, мать-муравьяха вздремнула было немножко. Очнувшись, она потянулась своими шестью пухлыми ножками и, щурясь от света, окинула все поле сонным взглядом.

— Это кто же там, детушки? — с сладким зевком спросила она, кивая усом вдаль. — Ведь это из нашей же братии, рыжих?

Она не ошиблась. Вдали, куда указывала она, среди мелких чернокожих жнецов, резко выделялся своим крупным ростом и золотисто-бронзовою шкуркой благородный рыжий муравей.

Взобравшись на верхушку колоса, он с видимым удовольствием обгрызал цветоножки зерен. Но, благодаря своему росту, своей силе, он работал втрое быстрее чернорабочих. Задними ножками он держался за стебель, передними притягивал к себе то или другое спелое зерно; притянув, начинал крутить его на цветоножке, потом разом обгрызал цветоножку, сам сдирал с зерна пленку и очищенное уже таким образом зерно бросал вниз. Приставленные к колосу чернорабочие муравьи едва поспевали поочередно относить сброшенные зерна к ближайшему складу.

— Да, это Грызун, — отвечал на вопрос муравьяхи один из отдохавших тут же рыжих муравьев. — Зубы, знать, чешутся.

— Недаром же и назван Грызуном, заметила муравьяха. — Чуть вышел из кокона, как дядьке своему уж руку отгрыз. Зачем? спросите-ка. Да вот так, здорово живешь. Крикните-ка его сюда.

— Грызун! а, Грызун! — крикнули хором свитские.

Грызун, сидя на колосе, оглянулся: его требовала родная мать. Как послушный сын, он беспрекословно спустился наземь и отправился восвояси.

— Ты что же это там делал, баловник? — встретила его вопросом муравыха.

— Работал, маменька, — просто отвечал Грызун, отирая потный лоб.

— Работал! Да ты знаешь ли, что значит работать? Это значит — не так вот, как ты сейчас, в зерна-мячики играть: это значит — круглый год наблюдать, чтобы семя, заготовленное на посев, не подмокло, перевертывать его, облизывать, в сухую погоду выносить на воздух. Это значит — в поте лица обрабатывать поле: прошлогоднее жнитво выгрызть, землю взрыхлить и вновь засеять, а покажутся всходы — выпалывать сорные травы, поддерживать дорожки...

— Все это я готов делать, если нужно...

— То-то вот! Хорошо, что прибавил: «если нужно». На что же у нас чернорабочие? Ты у меня, не забудь, голубчик, благородный рыжий муравей, коренной земледелец.

— Да потому-то самому, маменька, что я коренной земледелец, мне и следовало бы, кажется, служить примером пришлым чернорабочим.

Между рыжими свитскими кругом послышался сдержанный смех. Сама мать-муравыха, несмотря на свою полноту, приподнялась на локоть.

— Хорош мальчик! — сказала она. — Свободный муравей-плантатор хочет служить примером, и кому же? невольникам-неграм!

— Но ведь и у людей негры уже свободны... — позволил себе возразить Грызун.

— Нашел с кем сравнивать! Когда род людской рыскал еще по дремучим лесам, питался дикими плодами и кореньями, мы, рыжие муравьи, имели уж свои благоустроенные муравейники, возделывали поля; а бурые муравьи-скотоводы завели уже свой молочный скот. Но кроме этих двух высших пород — рыжих и бурых, солнцу угодно было произвести на свет и муравьиную чернь. И в какой же цвет оно окрасило их? В черный — в цвет рабства. Как же нам было не принять этого дара неба?

— Да как-то совестно, право... — проговорил Грызун. — Они — мелкие, слабые, работают и на себя, и на нас; а мы — крупные, сильные, сидим себе, сложа руки. На что же нам дана наша сила?

— Как на что? А как же мы добыли себе этих рабов? Силой.

Не будь я так занята в детской, клянусь солнцем, я шла бы впереди вас. Вы, рыжие дети мои, прежде всего — воины. Не забывайте этого. Военские подвиги, воинская слава — вот ваше прямое призвание. И сам ты, сынок, не раз уже выказал свою молодецкую удаль. А после подвигов не грех и отдохнуть на лаврах.

II.

ПОТОП

Между тем, набежала грозная туча и закрыла солнце. Блеснула молния и загремел гром. Буйный вихрь, гонимый перед собой столбом пыли, налетел на муравейник. Несколько рыжих муравьев взбросило на воздух. Мать-муравья ухватилась было за свой коврик, но вихрем ее стряхнуло с розового лепестка, и самый лепесток унесло невестку куда.

— Домой, домой, детки! — заторопила муравья, и, поддерживаемая Грызун, начала спускаться под гору.

Вовремя еще достигли они городских ворот. Грызун остановился под воротами.

Боже праведный! Это уж не гроза, а буря. Ветром неистово трясло и гнуло вокруг деревья, срывало не одни листья, но и целые ветви и крутило их в воздухе, как в бешеной пляске.

А бедные малютки — жнецы!.. Застигнутые врасплох, они также искали теперь спасения. Схватив каждый по зерну, они впе-

регонку бежали к муравейнику, под родную кровлю. Но ветром их то и дело валило с ног, вырывало у них из рук тяжеловесные зерна.

Вдруг с оглушительным грохотом и треском сверкнула ослепительная молния. Вслед за тем полил дождь, как из ведра.

Потоп! В две минуты, вся нива перед муравейником обратилась в бурное море. Подхваченные волнами жнецы храбро боролись с ним. Но ветром кидало их между колосьями из стороны в сторону, а сверху хлестало беспощадным ливнем. Они захлебывались и, как за последний якорь спасения, цеплялись за колосья. Но и колосья прибывало к земле, заливало водой.

Новым порывом ветра обломило с ближнего дерева большой сук. Покружившись над муравейником, он упал прямо в бушевавшее над нивою море. То, что в другое время было бы для муравьев бедой, теперь оказалось для них счастьем. Барахтавшиеся среди потопленных колосьев чернокожие жнецы живо, один за другим, вскарабкались на спасительный сук. По нем уже они, без особых усилий, добрались до боковой ветки, ближайшей к муравейнику. Но отсюда до твердой почвы на муравейнике было еще с добрых двадцать муравьиных шагов. Как быть? Растерянно бегали жнецы взад и вперед по ветке.

Но помощь была уже близка. Грызун смело вышел из-под ворот под самый ливень и ступил в воду. Благодаря его высокому росту, вода доходила ему не выше пояса. Крошки-жнецы, заметив избавителя, столпились на самом кончике ветки. Только добрался он до них, как уже несколько жнецов наперерыв вскочило к нему на голову, на шею, на спину. Как атлет-акробат, перенес он их всех на сушу. Затем отправился за новой партией. Так переправил он постепенно всех жнецов, успевших своевременно спастись на суку.

Тут грянул страшный гром, и молния ударила в самый муравейник. В том месте, где прошла она в землю, свод муравейника треснул и провалился. Сквозь провал открылся теперь ливню свободный доступ.

Когда подбежал туда Грызун, чернокожие муравьи из жнецов и носильщиков обратились уже в землекопов и инженеров. В числе их были и те, которых он спас сейчас из воды. Молнией кого из них обожгло, кого оконтузило. Но не думая уже о себе, всякий хлопотал только о спасении муравейника. Одни тащили глину да известь, сосновые иглы да камешки для укрепления свода, другие — тоненькие былинки да прутья — эти муравьиные бревна для предупреждения дальнейшего обвала. И все-то это были опять-таки одни слабосильные чернорабочие, пришлый народ! Муравьи-хозяева, рыжие силачи, беззаботно

укрывались где-то в отдаленных кварталах...

— Нельзя ли мне вам пособить, братцы? — спросил Грызун, подходя к группе чернокожих.

Они копошились около длинного прутика-бревна, тщетно сиюсья его приподнять.

Маленькие труженики с удивлением расступились: благородный рыжий муравей хочет помочь им в их черной работе!

Для Грызуна бревно было как бы перышком. Он разом поднял его стоймя.

— Потолок подпереть тут? — спросил он.

— Точно так, ваше благородие.

— Ты что там опять делаешь, сынок? — раздался укорительный голос.

По ту сторону обвала стояла, подбоченясь, мать-муравьяха. За нею теснилась вся рыжая свита. Грызун смешался.

— Помогаю... — пробормотал он.

— Не твое дело, дружок.

— Да, ведь, пока, маменька, нас всех зальет...

— Не зальет. Дождя уж нет.

И точно, гроза натешилась, набушевалась вдоволь. Столь роковой для муравейника громовой удар был ее последним вздохом. Теперь дух у нее заняло и она разом присмирела. Сквозь отверстие провала синел уже вверху клочок ясного неба.

— Пропустите-ка, ребята, — сказала мать-муравьяха и, переваливаясь с боку на бок, перелезла по земляным грудам через место обвала. — Помогите-ка мне, милый, выйти на воздух. Здесь все еще душно что-то...

Грызун взял ее опять под руку и вывел за ворота на вольный воздух.

Ш.

МУРАВЕЙ-БОГАТЫРЬ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

ут вот и присядем на завалинке... — говорила, вся запыхавшись, мать муравьяха. — После грозы-то дух какой чудный.

Грызун молча расположился около.

— Что ты, сыночек, будто не весел? — спросила муравьяха.

— Мало веселья! — со вздохом отвечал он. — Сколько народу-то даром погибло! Вон, по всей ниве их раскидало...

Дождевая вода, затопившая давеча ниву, понемногу всочилась в рыхлую почву. Кое-где лишь стояли еще небольшие лужи. Но среди поваленных полос хлеба чернелись бездыханные тела потонувших жнецов. Далеко не всех, стало быть, удалось спасти ему, Грызуну!

— Эка беда! — заметила муравьяха. — Невольники! Их всегда добыть можно.

— Да ведь они для нас же, маменька, трудились! — воскликнул Грызун.

— А тебе, небось, и жалко стало? Ты — воин, сын мой: ты должен закалить свое сердце! Завтра же, может статься, придется тебе разорять опять муравейник их братьев, чернокожих. А можно ли сражаться, если будешь слушаться своего глупого сердца?

— Коли придется сражаться, так за себя, конечно, постою, отвечал Грызун. Да славы-то мало воевать с этой мелюзгой. Вот попадись мне равный или даже более сильный противник, какое-нибудь крылатое чудище, что ли...

Из лесной чащи донеслась звонкая соловьиная трель.

— Помяни нечистого, и он уж тут как тут, — прошептала му-

равыха, дрожа всем своим тучным телом. — Вишь, как заливаётся! Колокольчик, да и только. А на деле-то — самый лютей враг всего живущего, тот самый Соловей-разбойник, о котором столько песен сложено. Только не народился, знать, еще тот муравей-богатырь, который осилил бы злодея.

Грызун молча поднял с земли грузную былинку-дубинку и завертел ею над головой.

Мать-муравыха с снисходительной усмешкой наблюдала за этим гимнастическим упражнением.

— Уж не ты ли, Грызунчик, тот самый муравей-богатырь?

— А что вы думаете? — задорно отвечал он и молодецки замахал дубинкой.

— Нашей-то братии, муравьям, пожалуй, и не устоять перед тобой, — продолжала муравыха, — но этому чудищу поганому, Соловью-то разбойнику, удар твой разве за щелчок покажется.

Она была права. Грызун с досады швырнул дубинку далеко от себя. Летя с вышины, дубинка подпрыгнула раза три-четыре по скату и сбила при этом с ног партию чернорабочих, тащивших из муравейника подмоченные хлебные зерна, муравьиные яйца и коконы.

— Ловко! — сказала муравыха.

Грызун, застыдясь, отвернулся.

Весь скат муравейника, обращенный к солнцу, покрылся уже, между тем, зернами, яйцами и коконами, вынесенными сюда для просушки. Соловей точно выжидал только этого. Весело щелкнув, он спустился вдруг на муравейник и принялся клевать яйца и коконы. Чернорабочие муравьи вздумали было защищать своим телом хозяйское добро, но крылатый разбойник одним ударом клюва укладывал их на месте; потом с прежним аппетитом продолжал начатый обед.

Мать-муравыха и вся рыжая ее свита просто оцепенели от ужаса. Грызун оправился первый.

— За мною, братцы! — вскрикнул он и бросился на злодея.

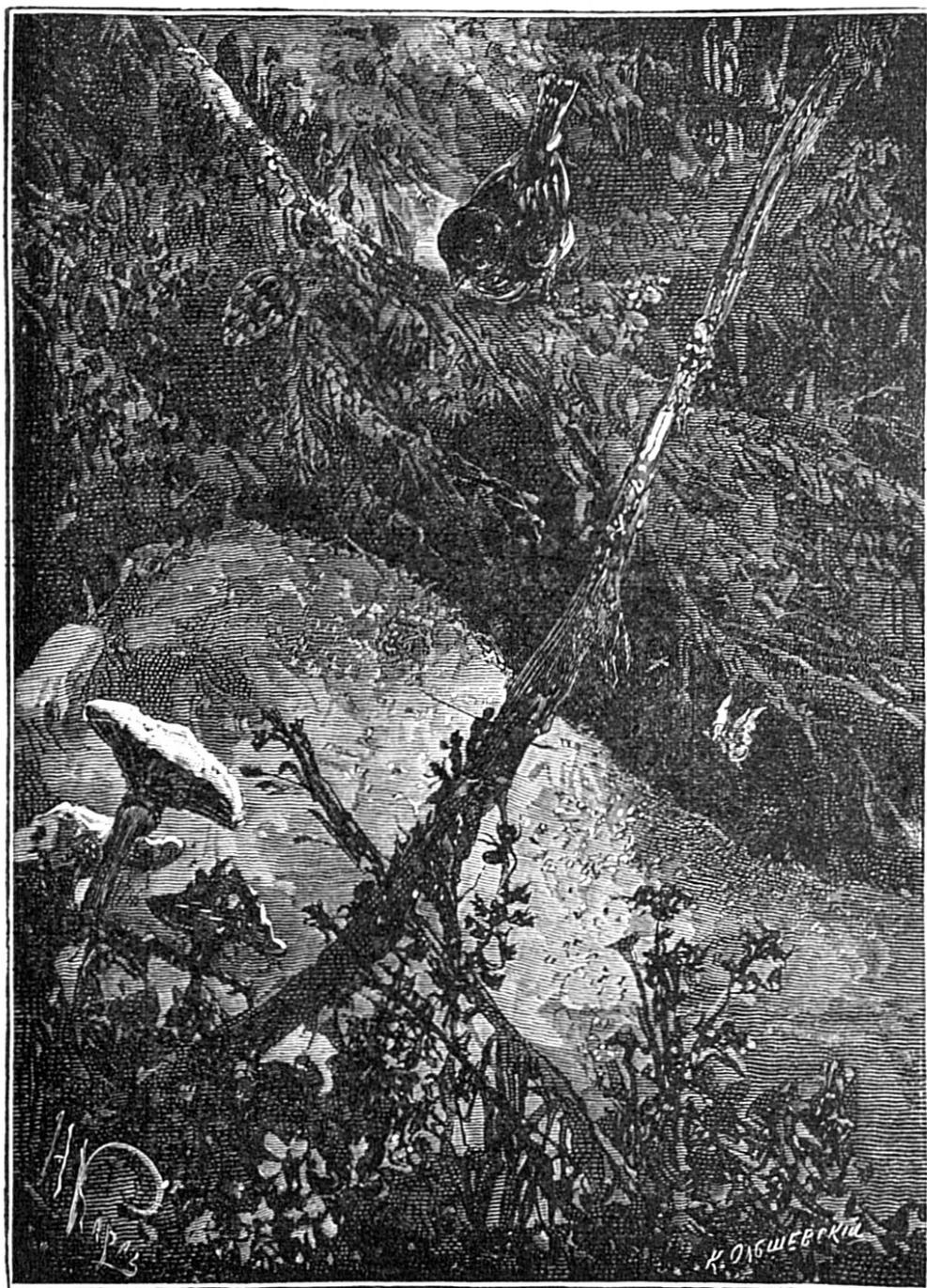
Воодушевленные его примером, остальные рыжие кинулись вслед за ним. По ногам соловья они, как матросы по корабельным мачтам, мигом вскарабкались до туловища прожорливой птицы. Здесь они зарывались ей в пух под крылья, под шею, впивались ей в кожу, в мясо.

Ипуская жалобные крики, раненый разбойник взвился на воздух и стрелой умчался прочь, унося на себе Грызуна и его товарищей.

— Теперь долой, братцы! — крикнул опять Грызун.

Стремглав прыгнул он с страшной высоты наземь. Товарищи сделали то же. Благодаря упругости муравьиного тела, ник-

то не расшибся. Вскоре вся ватага была опять на муравейнике.

— Ай да молодцы! — похвалила их мать-муравьиха. — А тебе, Грызун, первое спасибо! Ты настоящий богатырь... Ура нашему муравью-богатырю!

— Ура! — дружно подхватило толпившееся кругом рыжее и черное население муравейника.

— Благодарю, господа... — говорил Грызун, невольно тронутый таким общим к нему расположением. Я сделал только то, что в следующий раз сделает, конечно, всякий из вас.

— Но твой был почин, а почин дороже денег, — сказала муравьиха. — Так как, однако, вы, детки мои, все тут в сборе, то не обсудить ли нам кстати теперь же одну неотложную меру? Две кары небесные посетили нынче нас: потоп и Соловей-разбойник. И от того, и от другого, рабочее население наше поубавилось чуть не наполовину. Жатва наша от ливня также сильно пострадала. Придется тащить зерно из-за тридцать земель. А для этого опять-таки нужны рабочие руки. Где взять их?

— Набег на чернокожих! — пронеслось громогласно, как из одних уст, по всей многотысячной толпе. И черные невольники, наравне с своими краснокожими господами, признавали неизбежность такого набега.

— Все, кажется, за набег? — продолжала муравьиха. — Но для успеха дела нужен, прежде всего, умный и ловкий начальник. Кого же мы на сей раз выберем в атаманы летучего отряда?

— Муравья-богатыря! Грызуна! — заревел опять весь народ, и Грызуну оставалось только поклониться на все стороны почтившему его так народу.

IV.

НАБЕГ

тстояла страна чернокожих муравьев от муравейника рырьжих часа на три пути. Набеги туда за свежими невольниками производились довольно часто. Грызун, в качестве простого волонтера, и прежде не раз участвовал уже в них, и потому теперь, когда ему было поручено начальство над летучим отрядом, он знал, как провести отряд самым ближним путем.

А путь был не из легких.

Приходилось перелезать через горные кряжи аршина в два вышины, опускаться в

глубокие пропасти-промоины в аршин глубины. От вчерашнего ливня промоины эти еще не обсохли, так что надо было цепляться друг за друга в виде живого моста и по этому мосту уже перебираться на тот берег.

Несмотря, однако, на все эти препятствия, ровно через три часа, летучий отряд форсированным маршем достиг пределов страны чернокожих. Страна эта представляла зеленую полянку, на самой середине которой была темная впадина — главные ворота в подземную столицу. Как племя низкорощенное, чернокожие селились глубоко под землей. Сходясь и переплетаясь искусным лабиринтом, все подземные улицы и переулки направлялись к главному проспекту, который выходил уже к воротам, на поверхность земли. Ворота были открыты; но денно и ночью расхаживал перед ними усиленный караул.

На краю полянки Грызун остановил свой отряд. За высокою травой их не видать было черным караульными; но чутье всей вообще муравьиной породы куда тонко, а своеобразный запах муравьиного тела, вроде запаха свежего уксуса, слышится уже издалека; притом ветер дул в сторону муравейника, так что чер-

ные караульные разом подняли кверху носы.

— Рыжие идут! — гаркнули они в один голос, и грозная весть, как по телеграфу, пробежала по всем ходам и переходам в отдаленнейшие закоулки подземного муравейника.

— Рыжие идут!

Хорошо, слишком хорошо знали чернокожие, что значит непрошенный визит рыжих башибузуков, и храбро высыпали на встречу врагам в открытое поле.

Тем временем Грызун расставил свое небольшое, но лихое войско в боевой порядок. Потом прошелся по фронту.

— Слушайте, ребята! — заговорил он. — Бойни нам не нужно. Они муравьи, как и мы. Щадите их, сколько возможно, а станут уж слишком напирать, так бейте легонько по щекам, чтобы повадки не было. Поняли, ребята?

— Поняли, ваше в-скородие!

Атаман подозвал к себе знаком флангового муравья, ловко вскочил к нему на спину и, молодецки гарцуя, повел свое войско в атаку.

А в это самое время густою, черною волной катилась навстречу им малорослая рать чернокожих. Малорослы были они, правда, но числом много превосходили атакующих, а озлобление на последних удвоило еще их силы. Сплошным кольцом обхватили они сомкнутый строй рыжих и вдруг всю массу бросились в рукопашную. Рыжие великаны, послушные наказу молодого атамана, слегка только отбивались, и все-таки передние карапузы тотчас же падали под меткими щелчками. Но сзади лезли неудержимо все новые и новые малютки и хватались за ноги великанов. Барахтается великан и не может хорошенько повернуться, а те, раззадоренные, озлобленные донельзя, как дернут все разом — так и свалят его с ног! Тут ему и пиши пропало: вскарабкаются они на плечи, на затылок и давай его понизывать, как острыми кинжалами, своей едкой муравьиной кислотой.

Рыжие дрогнули. Один атаман-богатырь не потерялся. С высоты своего муравья-коня он мог обозреть все поле битвы. Не оставалось сомненья, что еще минута — и войско его будет опрокинуто.

— Не плошай, ребята! — зычно крикнул он на все поле. — Они напрашиваются на погибель — так будь по-ихнему! Руби с плеча!

И с этими словами он ринулся в самый пыл битвы. То не был уже простой муравей, то был сам Илья Муромец. Соколом летает он над вражьей силой, и куда махнет, там улица, куда перемахнет, там переулочек.

Участь боя была решена. Вся полянка кругом была усеяна телами чернокожих. Уцелевшие от побоища врассыпную пошли наутек. Рыжие бросились было в погоню, но атаман остановил их:

— Назад, братцы! Будет с них этого урока.

Лихо подбоченясь, подъехал он на коне своем к городским воротам; затем подал знак рукой: беззащитный город отдавался солдатам на разграбление. Весь летучий отряд исчез в глубине муравейника. Но вот в воротах снова показались победители. Каждый из них возвращался с добычей: кто, как бурлак, тащил на спине куль коконов, у кого на руках барахтался смуглый детеныш. Сидевшие дом во время боя чернокожие дядьки бежали теперь вслед за своими питомцами. В отчаянии, с мольбою цеплялись они за фалды похитителей. Но удержать последних в победоносном шествии у мелкоты этой не хватило сил.

Горе побежденным! И слава победителю...

Отчего же он, сам-то победитель, молодой атаман-богатырь, поник вдруг буйной головой?

V.

ДВА АТАМАНА

то замечтались, полковник?

Так спросил, под самым ухом Грызуна, насмешливый голос. В то же время чей-то ус фамильярно тронул его по плечу.

Грызун с высоты своего муравья-коня искоса оглядел вопрошающего.

То был одного с ним роста силач-муравей. Но силач этот не был из породы рыжих. Цвет кожи у него был бурый и на груди у него красовался ярко красный щиток.

— С кем имею честь?.. — сдержанно спросил в ответ Грызун.

— Такой же атаман, как и вы, полковник, только племени муравьев-скотоводов. Зовут меня Сосун, а прозвание мне — Губа-не-дура.

— Очень рад, — вежливо промолвил Грызун и, в свою очередь, назвал себя.

— Муравей-богатырь? — переспросил Сосун. — Что ж! прозвище, мне кажется, вами вполне заслуженное. Вон с того дерева я наблюдал за всем ходом боя. Вы работаете удивительно чисто. А при всем том, скажу... все-таки...

— Что все-таки?

— Вы не обидитесь, полковник? Я говорю с вами, как равный с равным...

— Говорите.

— За что столько погубили муравьиных жизней?

Он указал на поле сражения, усеянное телами черных, а кое-где и рыжих муравьев.

— Да коли без этого было нельзя?..

— Будто нельзя? Вам требовались невольники, не так ли?

— Так.

— А без них вы разве не могли обойтись? Разве вам самим не

сладить с вашим хозяйством?

Новый знакомец высказывал именно то, на что он сам, Грызун, еще намерен намекал матери-муравьихе. Но та пристыдила его на первых же словах перед всей компанией рыжих. Мелочные заботы о куске хлеба, о детях лежали на обязанности мелкоты-рабов. Он же был благородный воин...

— Я, прежде всего, воин и исполнял свой долг... — заговорил он.

— А между тем, все же находите нужным оправдываться? — заметил, усмехаясь, Сосун. — *Qui s'excuse — s'accuse, monsieur.* (Извиняешься — так значит, виноват, сударь). А давеча, вместо того, чтобы ликовать по случаю своей победы, вы были так подавлены, убиты, будто сами потерпели поражение. И я вам объясню причину: в душе вы точно потерпели поражение. Вы должны были втайне сказать себе, что без надобности принесли в жертву сотни себе подобных.

— Совсем не себе подобных! — перебил запальчиво Грызун и собирался еще что-то добавить, но внезапно замолк.

Мимо их дефилировал уже арьергард рыжих грабителей. В то время показался один рыжий силач с непосильною ношей: он волок за собой большущий кокон. Трое мелких чернокожих вцепились сзади в рыхлую оболочку кокона и тем еще более затрудняли движение грабителя.

— Сейчас пустите его! — коротко и повелительно крикнул карапузам Грызун.

— Никак, сударь, невозможно-с! — плакались те в ответ. — Это царский детеныш... будущая принцесса и мать чернокожих... Насквозь даже слышно, как дышит голубушка, как бьется...

— В последний раз говорю вам: пустите! — грозно объявил Грызун.

— Ее-ей, не смеем... Мы ведь дядьки ее...

Грызун, без дальних разговоров, соскочил наземь. Через мгновение все три малютки-дядьки кубарями разлетелись по сторонам. Но, увы! и самой принцессе их пришлось плохо. Держались они, видно, за оболочку кокона слишком крепко; тонкая оболочка порвалась; заключенная внутри крошка-муравьица, корчась и извиваясь, выползла наружу.

Грызун бережно поднял ее с земли и передал с рук на руки тому самому рыжему, что притащил ее в коконе.

— На вот, носи дальше. Только смотри у меня, не помни!

— Виноват, полковник, — вмешался тут Сосун, молча наблюдавший до сих пор за всей сценой. — Что, скажите, станется с этой бедняжкой?

— То же, что с другими, — отвечал Грызун, — мы ее вырастим,

а потом...

— А потом завалите работой?

— Ну, разумеется.

— Да что вам в одном-то лишнем рабочем? А здесь, дома у себя, как мать-муравьица, она положила бы сотню тысяч яиц и из них вышло бы столько же трудолюбивых чернокожих...

— Которых мы в свое время могли бы также увезти в неволю? — смеясь, подхватил Грызун. — Что правда, то правда! Что выгоднее: один ли рабочий теперь или, немного погодя, сто тысяч их? Конечно, сто тысяч. Да, разница большая.

Он кивнул ближайшему из трех чернокожих.

— Подойди-ка сюда, любезный. Возьми обратно свою принцессу. Донесешь ли?

— Донесем-с. Много благодарен, сударь...

И, сгибаясь чуть не до земли под живую ношей, он скрылся за воротами муравейника. Товарищи собирались было последовать за ним. Грызун остановил их:

— Вы куда, чумазые? Назад!

Потом указал на них своим двум рыжим подчиненным: грабителю и тому, что служил ему, Грызуну, конем:

— Отвести их, куда следует.

Пленники бухнули в ноги победителю:

— Батюшка, не губи!

— В самом деле, что вам толку-то в них? — вступился опять Сосун. — Что из малых детенышей вы можете воспитать себе послушных слуг — это я понимаю. Но взрослые враги всегда будут врагами...

— Да, чего доброго, возмутят и послушных, — досказал Грызун. — Справедливо. Ну, любезные, благодарите Бога и вот этого господина. Налево кругом, марш!

Пленники не дали повторить себе команды и побежали без оглядки.

— И вы ребята, ступайте-ка домой, — обратился Грызун к своим двум подчиненным, — скажите, что скоро буду.

Атаманы остались одни.

— Мне, признаться, хотелось еще побеседовать с вами, — сказал Грызун своему новому знакомцу. — Ваше бурое племя считается у нас, между муравьями, наравне с нашим рыжим. Но скажите, неужели вы вовсе обходитесь без рабов?

— Все.

— Правда, у вас куда меньше дела...

— Не думаю. Запасы на зиму мы собираем точно так же, как и вы; детей своих так же воспитываем; да сверх того, у нас есть такие занятия, которых нет у вас: это молочное хозяйство.

— Да будто уж оно так сложно?..

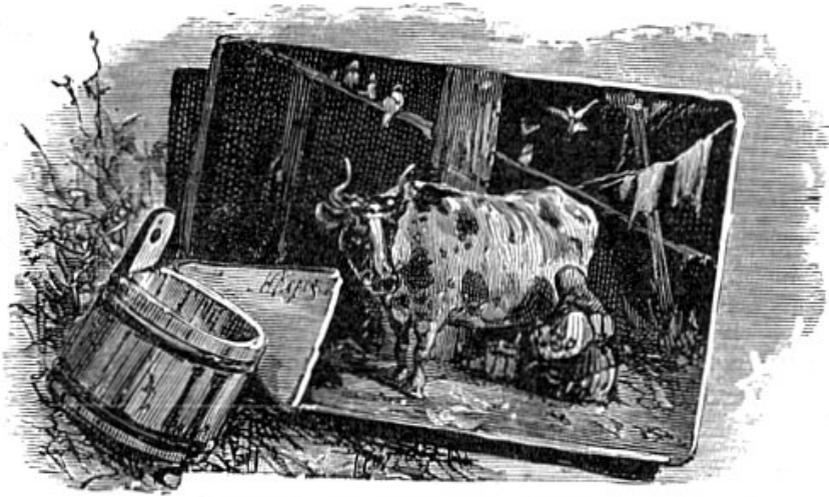
— А не угодно ли убедиться своими глазами? Чужих мы к себе вообще не допускаем. Но для вас, полковник, сделаем исключение. За безопасность вашей особы я отвечаю своим офицерским словом. Угодно?

Он прямодушно протянул Грызуну свой ус. Тот крепко потряс его.

— С удовольствием принимаю ваше любезное приглашение.

VI.

В КОРОВЬЕМ ЦАРСТВЕ

арство муравьев-скотоводов лежало по ту сторону муравейника чернокожих. Миновав лесную прогалину, два муравья-атамана пошли опушкой. На пути их стоял роскошный, весь униженный распустившимися розанами шиповник.

— Вот один из рассадников наших, — сказал Сосун. — Постойте минуточку...

И мигом он влез на шиповник. Грызун с любопытством следил за ним. Атаман скотоводов сидел уже на пышном розане и отцеплял с него светло-зеленую тлю или, попросту сказать, травяную вошь.

— Посторонитесь, полковник!

Грызун едва успел отступить в сторону, как тля упала к его ногам. За нею, с ловкостью гимнаста, соскочил вниз и сам Сосун.

— Надеюсь, не ушиблась, милая? — заботливо наклонился он к тле.

Та, круглая, пухлая, как упала, так и осталась лежать на спине, поворачивая только с боку на бок свою хоботообразную мордочку и болтая по воздуху ногами.

— Глупое создание, право! — заметил Сосун. — Ничего-то не понимает. Низшая порода! Одно слово: корова. Но полюбуйте-ся, полковник, что за экземплярчик! Хоть и из простых, зеленых, а как ведь жирна, как сочна! Ну виноград, да и только.

— Так у вас, значит, есть они и других цветов? — удивился Грызун.

— Еще бы. Вот увидите скоро. Но и у этой, я уверен, молоко первый сорт. Прошу отведать.

Он усиком искусно пощекотал тлю. Она тотчас же выделила прозрачную каплю.

— А вы сами что же? — спросил Грызун.

— Прошу, — повторил тот, — вы ведь гость, а я хозяин. После жаркого боя у вас, верно, в горле пересохло?

Грызун с жадностью проглотил заманчивую каплю, потом облизнулся и обтер усы.

— Как прохладительно! — сказал он. — И что за сладость!..

— Дело мастера боится, — с самодовольством отозвался Сосун. — Выбирать скотину не так просто, как, может быть, кажется. Недаром, знать, я окрещен Сосуном, недаром прозван Губой-не-дурой.

— Что же, вы ее тут и оставите?

— Нет, жаль; может, еще пригодится.

Он сунул крошку-тлю, как узелок, под мышку. Инстинктивно чуя, что зла ей не сделают, она доверчиво прильнула к великану-муравью.

Друзья наши шли не торопясь. С приближением к муравейнику скотоводов, их стали обгонять земляки Сосуна, бурые муравьи. Кто тащил зернышко, кто волок иглу или соломинку, кто нес, как Сосун, под мышкой или в зубах живую тлю. Узнавая своего атамана, они почтительно отдавали ему честь и спешили затем далее.

Но вот под сенью векового дуба показался и грандиозный купол муравейника скотоводов. — Перед главными воротами толпа молодых скотоводов забавлялась военной игрой: приподнявшись на задние ножки, они боролись между собой и звонко хлопали друг друга по щекам.

— У вас, стало быть, есть тоже военное сословие! — сказал Грызун. — А вы же сами уверяли...

— Нет, это не настоящие воины, как у вас, — отвечал Сосун. — Это кадеты-ополченцы, добровольцы. Набегов мы никогда не предпринимаем, но каждый обязан защищать свой муравейник. Вот молодежь и практикуется.

Они вошли в муравейник. Попадавшие им тут бурые муравьи удивленно оглядывали рыжего муравья, очутившегося в их муравейнике. Но его сопровождал сам атаман их, Сосун, и все молча сторонились.

— Хлебные амбары, я думаю, вас не интересуют? — заговорил Сосун. — Это то же, что и у вас; да к тому же они еще и

пусты. Детских наших я вам также показывать не стану; разница только та, что няньки у нас не наемные, а из своих же, бурых.

— А этот коридор куда ведет? — спросил Грызун.

— Это в покои нашей матушки-муравьихи, — отвечал хозяин, понижая голос. — Она у нас, признаться, терпеть не может, когда ее застают над яйцами; а вы притом посторонний...

— Ни за что туда не пойду! — сказал Грызун. — Это такое дело, что можно, пожалуй, сглазить. Мне бы только хотелось осмотреть ваше молочное хозяйство.

— Так прошу идти за мной.

Перед ними раскрылась обширная подземная зала. По всему полу были разложены правильными рядами бесчисленные микроскопические крупинки. Взад и вперед между ними ходили бурые муравьи, то обмахивая с крупинок пыль, то облизывая их языком, то прикладываясь к ним чутким ухом.

— Что это у вас за крупа? — спросил Грызун. — Это не муравьиные ли яйца?.. И к чему они там прислушиваются?

Сосун таинственно улыбнулся.

— А вот сейчас узнаем. Смотрите.

Один из прислушивавшихся муравьев разгрыз вдруг крупинку, и оттуда неуклюже выкарабкалась прехорошенькая малютка-тля!

— Вон оно что! — проговорил Грызун. — Это теленочек?

— Теленок. Вырастим, насколько требуется, в колыбельке и выпустим. А теперь пойдете-ка посмотреть, как пристроят его к месту.

Муравей-скотник бережно поднял на руки новорожденного и вынес из детской. Оба атамана пошли за ним следом. До сих пор их окружал глубокий мрак, и только благодаря своему зоркому муравьиному зрению Грызун различал предметы вокруг себя.

Теперь в конце коридора блеснул свет. Они вышли на открытое место.

Сверху, сквозь искусственную расщелину в своде муравейника, проникал скудный дневной свет. Но света этого было довольно, чтобы поддерживать питательную силу мелких растений, покрывавших почву. Это был подземный луг, подземное пастбище.

Муравей-скотник поднес младенца-теленка к свободной травке. Тот пиявкой к ней присосался. Вокруг другие растения были точно также усажены, словно пуговичками, сосущими младенцами-телятами.

— Удивительно!.. — мог только выговорить Грызун.

— Не правда ли? Но это, так сказать, цветочки, а сейчас будут ягодки.

Подземные ходы извивались то вправо, то влево, огибая громадные древесные корни.

— На этих корнях у нас пасется скот зимой; сюда же сгоняется он и на ночь, — объяснял Сосун. — Это наш хлев, это наш скотный двор.

— А где он теперь, ваш скот?

— В поле.

Снова блеснул издали свет, но уже целым потоком лучей. Коридор, поднимаясь круто в гору, вышел, наконец, на поверхность земли, на вольный воздух.

Под легким светом заходящего солнца расстилалось зеленое поле. Кругом был обведен земляной вал, — очевидно, с целью, чтобы скотина не разбежалась. На листьях же, стеблях и корнях сочных злаков паслась сама скотина, тли-коровы всех видов и цветов: круглые, грушеобразные и плоские, светло- и темно-зеленые, голубые, розовые, белые и даже полосатые.

Грызун был так озадачен, что не мог вымолвить ни слова.

— Теперь вы, надеюсь, убедились, что правильное скотоводство — дело не совсем-то простое? — говорил Сосун. — Подойдите ближе. Заметьте, сколько разновидностей! И одна другой лучше.

— Так что же, у них и молоко даже разное? — спросил Грызун.

— А то как же? Можете сейчас удостовериться.

— Благодарю, я сыт...

— Сделайте милость, не обидьте. Прикажете мне подоить или сами, может быть?..

— Любопытно бы самому...

Они стояли около розовой тли. Грызун кончиком уса легонько прикоснулся к ней. Она послушно тотчас же угостила его бледно-розовым молочком.

— Вкус розы! — воскликнул он.

— Вот видите. А ананаса не желаете ли?

Хозяин тронул усом темно-зеленую корову и у нее выступила капелька зеленоватого оттенка.

— И по духу уж слышно, — заметил Грызун.

— Да вы откушайте, пожалуйста.

Пришлось откушать и ананаса.

— А тут вот наше шампанское: маковая росинка! — продолжал Сосун, подводя гостя к полосатой тле.

— Ей-ей, не могу... — отговаривался гость.

— Демьянова уха? Ну, одну еще капельку только, последнюю.

Что тут делать! Чтобы не обидеть хозяина, надо было прилечь. Но, приложившись, Грызун вдруг откинулся назад головой, схватился за грудь и закатил глаза.

— Не знаю, что это со мной?.. — пробормотал он. — Точно все кругом завертелось, а на душе стало так легко, так уморительно-весело... Сейчас бы, кажется, пустился вприсядку.

— Мак, значит, в голову ударил, — усмехнулся Сосун. — Но ничего, это скоро пройдет. Не правда ли, божественный напиток? А вот и детвора наша, — прибавил он.

На пастбище высыпала теперь из муравейника гурьба бурых дядек. Каждый нес на спине по грудному муравейчику. К одной и той же корове подносилось по несколько младенцев, которые с жадностью упивались выдоенным дядьками молочком.

— Кормление это производится у нас три раза в день: утром, в полдень и перед сном, — толковал гостю Сосун. — А уж пользительно ли им — сами можете судить: вон, какие все пузаны! Что бы вам пример с нас взять?

— И то уж подумываю... — отвечал серьезно Грызун.

— Да кстати бы и рабство тоже отменить.

— Ну, это будет труднее...

— Однако, попытайтесь?

— Может быть, со временем... Но я у вас, право, непозволительно загостился! Вон, и солнце совсем уж заходить.

— Да вы бы переночевали?

— Нет уж, увольте. И то вам, я думаю, надоел. Нельзя ли мне прямо отсюда, чтобы не ходить опять через весь муравейник?

— Отчего же, можно.

Оба атамана стояли уже на валу.

— Никогда не забуду вашего гостеприимства! — говорил расстроганно Грызун. — Милости просим и к нам. Во мне вы приобрели себе самого верного друга. Что бы там ни было — я друг ваш навеки.

В последний раз прижал он нового друга к сердцу и соскочил затем с вала.

До дому, впрочем, Грызун в этот вечер уже не добрался. Утомление ли от дальнего похода и от пережитых днем разнообразных впечатлений, или же предательская маковая росинка подкосила его богатырские силы, — только на полпути он повалился на придорожный мох и заснул, как убитый.

VII.

МУРАВЬИНОЕ ВЕЧЕ

ыжая мать-муравьиха отдыхала опять на пологом скате муравейника. Около нее нежилась на утреннем солнышке ее рыжая свита.

— И где это он запропастился, наш бравый атаман-богатырь? — говорила муравьиха, заслоняясь рукой от солнца и смотря вдаль.

— Да вот, никак он и идет, — заметил один из свитских.

— Где? где?

— А вон там, у мухомора...

— И то он! Да что это с ним? Идет понурясь, усами размахивает, точно сам с собой разговариваешь... Уж не спятил ли с ума, прости Господи!.. Нет, вот кланяется по сторонам. А народ-то за ним

так, вишь, и бежит, так и валит. Работу бросили, победителя встречают! Он говорит им что-то и идет все вперед. А они, вишь, как шальные, бегут вслед за ним, кричат... Что они кричать такое?

— На вече! на вече! — донеслось теперь совсем явственно сквозь смутный гул волнующейся толпы.

— На вече? — повторила муравьиха. — Что ж! народ желает — пойдемте, господа.

Ворота были уже запружены напиравшим отовсюду чернокожим населением, так что мать-муравьиха с рыжею свитой не без труда протолкалась внутрь муравейника. Когда они добрались до центральной подземной залы, служившей для подобных вечевых сходов, громадная зала была уже битком набита муравьиною чернью. Посреди залы, на камешке взмостил сам муравей-богатырь, Грызун.

— Любезные сограждане, рыжие и черные! — начал он, когда шум кругом понемногу утих. — После вчерашнего боя я не вернулся вместе с войском... вы догадываетесь, конечно, почему? Бой увенчался полным успехом; но смел ли я один принять все

почести благодарного народа? Всякий порядочный муравей добросовестно исполняет долг свой. И могу засвидетельствовать здесь перед лицом целого муравейника, что весь летучий отряд мой, до последнего муравья, вел себя молодецки. За что же одному более почестей, чем другим?..

— Bravo! очень хорошо! — пронеслось одобрительно по многотысячной толпе.

— Задержало меня, впрочем, и нечто другое, — продолжал Грызун. — Я, изволите видеть, повстречался с атаманом скотоводов. Он был так любезен, что пригласил меня заглянуть в их коровье царство, и я не счел возможным отказаться.

— Слушайте! слушайте! — раздалось опять с разных сторон.

— Любезные сограждане! буду говорить откровенно. Хотя между муравьями племя скотоводов и считается вообще не ниже нашего, земледельческого, но в душе каждый из нас, конечно, считает себя выше их. И точно, о земледелии они и понятия не имеют. Зато молочное хозяйство доведено до такого совершенства, что поспорит даже с нашим земледелием. Да, скажу по совести: меня зависть взяла! «Да что же у них может быть такое?» — спросите вы. А вот что. Каждый из вас ведь тоже не прочь в жаркую пору прохладиться молочком: подвернется корова — ну, как упустить, не подоивши? А там, у них, вообразите, не только содержится постоянный домашний скот, а заведены даже особые питомники телят! И взращиваются у них эти телята всех цветов радуги и самых изящных форм. «Да что проку в этом?» — скажете вы. Прок огромный. С формой и цветом скотины меняется и вкус молока, и какого ни отведаете — пальчики оближете! А есть и такое, под названием *маковая росинка*, что от одной капли охмелеешь, повеселеешь и всякое горе забудешь, и весь свет обнять готов. Но это не все: муравьиная детвора у них ничем иным не кормится, как парным молоком. И посмотрели бы вы, какие все пузыри! А о детских болезнях у них, говорят, и слыхом не слыхать. Так вот что значит образцовое скотоводство!.. Любезные сограждане! хорошее перенимать никогда не поздно. Век живи, век учись. Не послать ли нам кого из нашей молодежи в науку к скотоводам?

Речь молодого атамана произвела глубокое действие. Вся громадная вечерняя зала разом зашумела, загудела, как вскипевший над огнем котел. Напрасно почтенная мать-муравьяха возвышала голос, чтобы восстановить тишину. У нее, бедной, была одышка, и тонкий голосок ее совершенно затерялся в общем говоре.

Тут сквозь передние ряды черни протискался вперед невысокий, но дюжий чернокожий.

— Прошу слова, атаман!

Грызун приподнял его за усы и усадил к себе на плечи. Оттуда чернокожий оратор окинул всю аудиторию быстрым взглядом и заговорил:

— Дорогие сограждане! Все мы здесь — и черные, и рыжие, разумеется, с самым живым участием выслушали любопытный рассказ нашего уважаемого атамана-богатыря об путешествии его в коровье царство. Все мы одинаково сочувственно отнеслись к его мысли — завести и у нас правильное молочное хозяйство. Но... едва ли я ошибусь, если скажу, что последнее его предложение — идти в науку к скотоводам — не нашло того же сочувствия..

— Верно! слушайте! — раздались отовсюду поощрительные возгласы.

— Ведь это, другими словами: чтобы мы, земледельцы, ходили на задних лапках — перед кем? перед муравьями, не знающими и азбуки полеводства, перед какими-то скотоводами! А ну как, в довершение позора, они ушлют нас еще с длинным носом? Тогда война неизбежна. Так не проще ли начать прямо с этого — с войны? Угнать у них весь скот — и дело в шляпе. Кто за войну — вверх усы!

Вся зала кругом оцетинилась усами.

— За войну, кажется, все единогласно? Итак, остается только выбрать главнокомандующего. Но о выборе, я думаю, теперь и речи быть не может. Один муравей у всех на виду: наш славный атаман-богатырь Грызун.

— Грызуна! — заревела ликующая толпа.

— Любезные сограждане! — заговорил тут, в свою очередь, Грызун. — Я глубоко тронут... я не знаю, как и выразить свою благодарность... но, расставаясь с атаманом скотоводов, я поклялся ему в вечной дружбе. Как ни ценю я ваше высокое доверие, но должен отказаться от незаслуженной чести...

Кругом пронесся угрожающий ропот.

— Ты не имеешь никакого права отказываться! — запальчиво вскрикнул на шее Грызуна чернокожий оратор. — Какое дело нам до твоих личных отношений к тому или другому? Народ тебя выбрал — и ты должен повиноваться.

— Пропустите, господа, мать-муравью! — слышались тут голоса. — Муравья говорить хочет.

Толпа расступилась, несколько услужливых рук подхватили грузную матушку-муравью и поставили ее на камешек, рядом с Грызуном. Она сострадательно оглядела последнего, обняла его усом и обратилась затем к народу:

— Милые дети мои, рыжие и черные! Грызун принимает

ваш выбор и приложит весь свой ум, всю свою хитрость, чтобы с наименьшею потерей обеспечить нам полную победу. С закатом солнца он двинет всю нашу боевую армию в поход. Теперь же, на прощанье, общий роздых и двойной паек на брата.

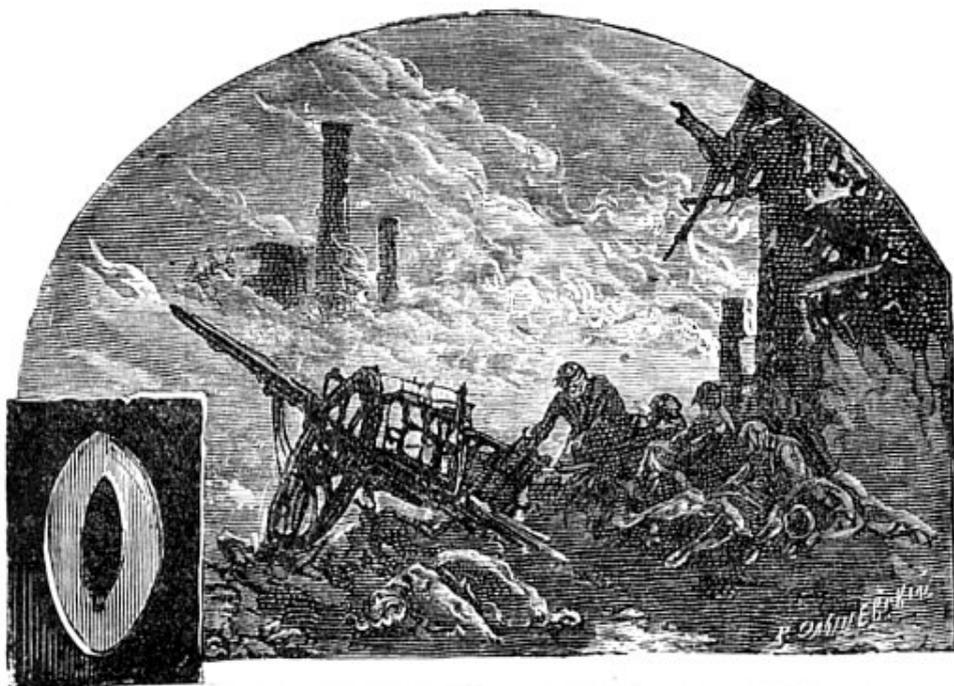
Воздух огласился радостными криками:

— Ай да матушка-муравыха!

И все трое: муравыха, Грызун и чернокожий оратор очутились на руках ликующего народа.

VIII.

РАЗГРОМ КОРОВНИКА

коло полуночи армия рыжих переступила уже в строгом порядке границу коровьего царства. Здесь главнокомандующий, остановившись перед фронтом, изложил воинам свой боевой план.

— Вы слышали, ребята, — говорил он, — что наказывала нам мать-муравыха? Победить с наименьшею потерей. Штурма, следовательно, быть не может. Мы устроим правильную осаду и заставим скотоводов добровольно уступить нам половину своего молочного скота. Чтобы осада была неотразимая, мы возведем вокруг всей столицы их траншею.

Сказано — сделано. Сама природа, казалось, покровительствовала осаждающим: ночь была безлунная, темь непроглядная. Неслышно подступило рыжее войско к неприятельскому муравейнику, неслышно принялось за земляную работу.

На рассвете глазам ничего не чаявших скотоводов представилось диво дивное: весь муравейник их был обведен кругом, как плотным кольцом, высоким валом, а из-за вала непрерывною щетиной грозно торчали усы рыжего войска.

— К оружию! — пронесся по всему муравейнику боевой клич,

— и все способное к военному делу население муравейника бросилось к главным воротам и на городской вал, около пастбища, чтобы остановить вооружение врагов.

Но, к немалому изумлению скотоводов, земледельцы не трогались в своей траншее. Один только рыжий усач вылез из-за вала с зеленою веткой в приподнятой руке и безбоязненно направился к муравейнику.

— Парламентер!

Атаман осажденных, Сосун, с такою же ветвью мира вышел к нему на встречу.

— Вы ли это, полковник? — удивился он, узнав недавнего своего друга.

— Как видите, — отвечал Грызун, — хотя, впрочем, уже не полковник, а генерал, главнокомандующий.

— Не поздравляю, — с презрительной усмешкой сказал Сосун. — Вы этим, видно, хотите отплатить нам за наше гостеприимство?

— Сам я не имею решительно ничего против вашего народа, а лично к вам, *monsieur* Сосун, питаю самые теплые, дружеские чувства... — начал Грызун.

— Рассказывайте!..

— Уверяю же вас...

— Так я вам и поверю! Хороша дружба, нечего сказать! Оставьте, пожалуйста, эту дружбу вашу при себе и отвечайте просто: зачем пожаловали?

— Будь по-вашему, — сказал со вздохом Грызун. — Станем говорить лишь о деле. Восхищенный вашим образцовым молочным хозяйством, я имел неосторожность предложить своему народу взять с вас пример. Но в нашем народе преобладает боевой дух. Против моего желания было решено силою отнять у вас скот. Меня выбрали главнокомандующим. Мог ли я отказаться? Но проливать кровь вашего племени я ничуть не желал бы, поэтому предлагаю вам полюбовную сделку: уступите нам без боя половину вашего скота — и мы, как пришли, так и уйдем.

— Ни одной штуки! — воскликнул Сосун.

— Будьте благоразумны, — настаивал Грызун. — У вас останется ведь половина скота. При вашем искусстве разводить телят вы, в какой-нибудь год времени, удвоите опять свое стадо.

— Ни одной штуки! — с решительностью повторил Сосун. — Мы веками, неусыпным уходом развили эти редкие породы, а вы, не ударив палец о палец, хотите забрать себе вдруг, ни более, ни менее, как половину того, что мы нажили!..

— Да ведь вы в нашей власти, — доказывал Грызун. — Мы — коренное воинское племя; сквозь цепь нашу вам не прорваться.

— Штурмуйте, если хотите. Мы за себя тоже постоим.
— Нет, штурмовать вас мы не будем, но мы заморим вас голодом.

— О, провианта у нас довольно!

— Ну, этому-то я не поверю. Не сами ли вы, два дня назад, говорили мне, что магазины ваши еще пусты?

— Магазины — да. Но у нас есть образцовое стадо коров; оно прокормит нас хоть круглый год.

— Так вы добровольно не сдаетесь? — спросил Грызун.

— Разумеется, нет.

— Ну, так мы *заставим* вас сдаться!

— Это как же?

— А вот увидите.

Оба военачальника холодно отдали друг другу честь и разошлись.

Вернувшись в свой лагерь, Грызун созвал в траншее военный совет.

— Так и так, — рассказал он. — Они не сдаются. Вскоре, конечно, раскаются, безумцы, но прежде, чем обратиться к крайнему средству, к грубой силе, я думаю испытать еще одну военную хитрость. Дело опасное, и потому я рискую только одним собой. В полночь я отлучусь. Если к рассвету я не вернусь, то, значит, хитрость не удалась и меня нет в живых. Тогда можете избрать из своей среды другого главнокомандующего, и он уже решит дальнейший план действий.

В полночь Грызун в самом деле исчез. Куда? никто не видел. Но за полчаса до рассвета на неприятельском валу поднялась суматоха. Вслед за тем в траншею к рыжим скатился сам Грызун.

При слабом свете предрассветных сумерек рыжие воины с ужасом увидели, что главнокомандующий их серьезно ранен: левая из задних ног его была начисто оторвана, тело в нескольких местах растравлено едкой муравьиной кислотой.

— Росы... — прошептал он.

Роса была тут же подана, раны обмыты и обложены целебной травой.

Из неприятельского лагеря донеслись жалобные вопли.

— Ага! заметили, небось! — проговорил с усмешкою Грызун.

— Да что вы там натворили генерал? — спрашивали, недоумевая, окружающие.

— Перегрыз им всю траву на пастбище, стебель за стеблем. Теперь у скота их нет корма и они, волей-неволей, должны будут сдаться.

— Да как же вы попали туда?

— А с дерева, вон, прыгнул к ним вниз. Назад только пришлось идти по земле; ну, и поплатился немножко. Но, друзья мои, я, признаться, устал-таки от работы. Дайте соснуть часок.

Он накрылся одеялом-листочком и тут же забылся богатырским сном. С восходом солнца на неприятельском валу появился с зеленою веткой Сосун. Сон подкрепил Грызуна, и бодрый, как всегда, он пошел к демаркационной линии между двух лагерей, где ожидал уже его Сосун.

— Доброго утра.

— Здравствуйте.

— Сдаются?

— Не безусловно, — отвечал Сосун. — С пастбищем нашим вы подкосили, правда, и нас. Но зимой мы держим скот дома, в коровники, стало быть, с грехом пополам, прокормили бы его и так. Тем не менее, от бескормицы мог бы открыться падеж. Поэтому мы готовы расстаться с половиною скота...

— А мы тотчас же снимем осаду, — прервал Грызун.

— Погодите, дайте досказать. И мы, как и вы, благородные муравьи. Отдать вам без боя половину своего добра значило бы — уронить себя на веки. Бой неизбежен. Но мы не заклятые кровопийцы. Вопрос может быть разрешен и простым единоборством между вами и мною. Победите вы — берите себе без разговоров половину скота; побью я вас — уходите, с чем пришли.

— Бой, значит, на жизнь и на смерть?

— Ну, разумеется. Согласны?

— Нет, не согласен.

— Так вы трусите?

Грызун, вместо всякого ответа, указал только на то место тела, где у него недоставало шестой ноги.

— Это вас сегодня так изувечили? — не без некоторого участия спросил Сосун.

— Расплата за ваше пастбище! — отшутился Грызун. — Одно другого стоит. Но пять ног, как видите, еще целы и на век мой хватят их.

— Почему же вы отказываетесь драться со мной?

— Потому что, как сами вы говорите, бой должен быть на жизнь и на смерть. Дать убить себя — значило бы предать своих; убивать же вас я не желаю.

— Что за великодушие?

— Не великодушие, а дружба. Я поклялся вам в вечной дружбе и никогда не подниму на вас руки.

Сосун хотел уже, казалось, протянуть верному другу свой ус, но воздержался.

— Как знаете, — холодно сказал он. — А так мы ни за что не

сдадимся.

— Мы подождем. Нам некуда спешить.

Грызун готов был ждать. Но его воинственная армия не разделяла его миролюбивого взгляда. Осада продолжалась день, другой, третий, а осажденные и не думали сдаваться. Напротив, каждую ночь они делали отчаянные вылазки. Выбить рыжих из их траншеи им, конечно, не удавалось: всякий раз они отступали с уроном; но эти нападения раздражили боевые инстинкты рыжих до последней крайности. До слуха главнокомандующего доходил уже явный ропот. Сегодня войско его еще слушалось; завтра, быть может, оно, не спросясь его, бросится на приступ. Оставалась только последняя мера.

С наступлением сумерек, лучшие землекопы рыжих были призваны к тайной земляной работе. В течение ночи они должны были прорыть брешь в муравейник. По точному исчислению Грызуна, брешь должна была прийти как раз к месту подземного коровника. При нападении врасплох можно было угнать оттуда добрую половину скота без серьезного кровопролития.

Так рассчитывал Грызун. Но он не принял в расчет воинственного духа своего войска.

К утру брешь, действительно, была пробита. Но в тот же миг землекопы обратились уже в воинов и с диким боевым криком ворвались в коровник. Крик этот для всей армии был сигналом к общему штурму. В несколько минут городские ворота были взяты, городской вал занят. Рыжие победители вторглись уже в самый муравейник, и бурые хозяева, слабо только отбиваясь, искали спасение в отдаленнейших закоулках города.

Так главная сила бедных скотоводов скопилась в коровнике. Теснимые рыжими, они прибывали туда все новыми массами. Напор стал, наконец, так силен, что проникшие в коровник сквозь брешь землекопы рыжих не могли уже устоять. Они были вытеснены назад и смяты. Роковая брешь обратилась теперь для скотоводов в спасительный выход, в отдушину, в которую живым потоком полилось из муравейника все коренное его население. Но, оставляя город свой на разграбление победителям, скотоводы не забыли-таки захватить с собой свой молочный скот. У каждого беглеца в зубах или под мышкой было по малютке- корове.

— Держи их! лови! отнимай коров! — кричал вне себя Грызун, выброшенный вместе с своими землекопами из бреши.

— Стой, разбойник! защищайся! — раздался тут за спиной его громовой голос.

Сзади наскочил на него Сосун и крепко обхватил его вокруг стана. Грызун не думал защищаться и тот разом разгрыз его

пополам. Оторванная от брюшка передняя часть туловища муравья-богатыря с головой и ногами судорожно трепетала и извивалась по земле.

— Отчего же вы не защищались, генерал? — в отчаянии говорил Сосун.

— Оттого, что хотел быть верен своему слову... — прошептал умирающий. — Мое дело все равно проиграно... Я не жилец на этом свете... А вы, пока можно, спасайтесь...

И, с последним напряжением угасающих сил, он вполз в земляную скважину. Сосун последовал совету неприятеля-друга и, в самом деле, успел спастись. Прибывшие на выручку своего главнокомандующего рыжие воины с недоумением озирались кругом: главнокомандующий их исчез куда-то бесследно.

Прошли года со времени достопамятного разгрома коровника. Изгнанные оттуда муравьи-скотоводы возвели себе на чужбине новый муравейник, завели новый коровник и скотоводство у них процветает чуть ли не лучше прежнего.

У муравьев-земледельцев все также по-прежнему: то же образцовое земледелие, тот же воинственный дух и то же рабство. Грызун был прав: дело его было безнадежно проиграно. Уведенный его армией скот в короткое время весь передох от неумелого ухода.

Но память о Грызуне, славном муравье-богатыре, еще свежа в его народе. О подвигах его сложилась целая легенда. Как подобает герою, он не умер обыкновенною смертью. После славного разгрома коровника он, бессмертный герой, растворился внезапно в золотых лучах солнца. Так гласит, по крайней мере, муравьиная легенда...

Примечания

Ф. Скворцов. Удивительные приключения муравья

Федор Федорович Скворцов опубликовал в 1890-х гг. несколько справочников и пособий для охотников и рыболовов. В 1894 г. была издана его книга «Удивительное приключение муравья Постреленка: (Дневник муравья)», переименованная во 2-м издании в «Удивительное приключение муравья» и выходившая также в 1905 и 1911 гг. Какие-либо биографические сведения об авторе отсутствуют.

В. Авенариус. Сказка о Муравье-Богатыре

Текст публикуется по изданию: СПб.: изд. ред. журн. «Родник», 1883 с исправлением очевидных опечаток и ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Василий Петрович Авенариус (1839–1923) – чиновник, тайный советник, детский писатель. Родился в семье лютеранского пастора, окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1862-1880 гг. служил в хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел; в 1880-1882 годах – чиновник особых поручений при министре народного просвещения; в 1882-1899 – старший чиновник канцелярии Ведомства учреждений императрицы Марии, в 1899-1908 гг. – председатель учебного комитета этого Ведомства. Известен детскими адаптациями русских былин, повестями из жизни русских писателей и др. знаменитых деятелей, исторической и мемуарной беллетристикой. Среди его фантастических произведений – «Сказка о пчеле Мохнатке» (1879), «Необыкновенная история о воскресшем помпейце» (1889).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.